

Елена Ахметова

Месторождение №3
Колыбельная

16+

Елена Ахметова

Месторождение №3. Колыбельная

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ахметова Е. И.

Месторождение №3. Колыбельная / Е. И. Ахметова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Одно неправильное решение - и драконы проснутся, сея холод и разрушения. Один неверный шаг - и фиктивный муж получит реальные права. Когда я добивалась того, чтобы меня вернули домой и позволили спокойно работать, я упустила всего один момент: в моей жизни нет чудес. А значит, с проблемами придется разбираться без них...

Содержание

Глава 1. Jolt	5
Глава 2. Flashback	13
Глава 4. A little knowledge is a dangerous thing*	25
Глава 5. Get ducks in a row	32
Глава 6. Lose one's train of thought	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Jolt

*(англ.) толчок, удар, тряска, потрясение

– Таким образом, дракон сможет использовать вводимую смесь для восстановления оболочки цисты. Согласно графику окупаемости, при исходной стоимости сырья на уровне цен внутреннего рынка...

Я не стала поднимать голову, чтобы взглянуть на этот график. И без того можно было не сомневаться: все безоблачно, красочно, обоснованно и вообще окупилось еще вчера, но на практике – неосуществимо.

– Поправь меня, он реально предлагает поставить дракону капельницу? – шепотом поинтересовался Лют, нетерпеливо ерзая на стуле.

Радим отвернулся от своей невероятно привлекательной презентации, чтобы бросить укоризненный взгляд на невнимательного слушателя, но наткнулся взглядом на пустые черные погоны особиста, нервно сглотнул и продолжил вещать. Я придержала при себе язвительные комментарии – благо ими обещала разразиться Алевтина Станиславовна – и молча кивнула.

Капельницу. Дракону.

Третья изо дня в день тосковала и гневалась все сильнее. Человек, наверное, уже смирился бы с произошедшим (или страдал затяжной депрессией, как повезет со складом характера), но эмоции дракона были медлительны и неторопливы, как ледниковые периоды... или мыслительный процесс отдельных личностей, так и не осознавших, что эпоха магии в трубопроводах должна закончиться раньше, чем драконье терпение. Иначе не поздоровится всем.

– Вопросы?

Я не выдержала и вскинула руку, но профессор Чечевичкина меня опередила.

– Как вы можете быть уверены, что образцы органики, обнаруженные на поверхности цисты Первой, – это ее продукты жизнедеятельности, а не случайно вмержшие ископаемые? Вполне возможно, что принятый вами состав смеси никак не поможет ни Второму, ни Третьей.

Докладчик заметно стушевался и нервным жестом поправил очки на переносице.

– Аналогичные образцы были обнаружены, по меньшей мере, в пяти точках раскопок.

Алевтина Станиславовна выразительно закатила глаза, но промолчала. Директор исследовательского центра, не менее почтенный и многоопытный маголог Идан Могутович, и без того что-то помечал у себя в тетради и выразительно хмурился.

А Радиму ничего не оставалось, кроме как позволить мне задать вопрос.

– Каким образом планировалось вводить смесь? – поинтересовалась я. – Погружение в глубинные слои цисты аналогично погружению в жидкий азот. Смесь замерзнет и закупорит полость.

Ответ на этот вопрос, как ни странно, у докладчика был готов.

– Мы полагали, что ваша способность игнорировать криогенные свойства магии позволит обезопасить и бур, и «катетер», – он махнул рукой на голограмму за своей спиной, где сквозь трубу диаметром в половину моего роста текла питательная смесь веселенького розового цвета, сюрреалистично вписывающаяся в устье голографа. – Впоследствии, если эксперименты профессора Чечевичкиной увенчаются успехом, метод можно будет применить и на других месторождениях... то есть драконах.

Алевтина Станиславовна едва заметно поморщилась на его неуверенное «если», но возражать не стала. Пока что все эксперименты, направленные на воспроизведение моего феномена, заканчивались горькой ледяных крысиных трупиков: грызуны привыкать к магии не желали категорически. Профессор не теряла надежды подобрать-таки дозировку, которую они вынесут, но с каждой партией крыс выглядела настроенной все менее оптимистично.

Зависимость допустимой концентрации магии от веса оказалась нелинейной, и я Чечевичкину вполне понимала.

– Один дракон все равно не способен обеспечить весь Союз, да еще работать на экспорт, – вклинился Лют. Ему бесцеремонность простили с той же нервной снисходительностью, что и Алевтине Станиславовне: невоспитанность, конечно, вопиющая, но кто рискнет сделать замечание известному профессору (который в случае чего пошлет все бюро вниз по трубе и уйдет на пенсию) или, тем паче, черному особисту? – Капельница не решит проблему дефицита энергии.

– В ближайшие два года ее ничто не решит, – философски заметил Радим. – Так или иначе, придется возводить электростанции по всей стране. Но в переходном периоде Третья сможет обеспечить привозной магией хотя бы крупнейшие заводы и комбинаты, без которых строительство станций невозможно.

Алевтина Станиславовна бросила на меня предостерегающий взгляд.

«А еще Третья сможет разнести к чертям крупнейшие заводы и комбинаты, Временный городок и все, что подвернется под крыло, – как только осознает, что с ней делают», – мрачно подумала я, но покорно смолчала.

Разумность драконов еще предстояло доказать. На слово мне, естественно, никто не поверил – а поскольку откачку магии так или иначе прекратили, я не видела смысла разводить панику. Директор исследовательского центра производил впечатление человека достаточно здравомыслящего, чтобы вежливо выслушивать даже самые неадекватные идеи и с нечеловеческим терпением прогонять их через фильтр научно-доказательной базы.

– Еще вопросы? – поинтересовался докладчик, оглядывая аудиторию с нескрываемой надеждой, что оных не последует.

Я подумала и все-таки смолчала о том, что пробурить оболочку цисты вообще-то невозможно: любой бур пасует перед слоем магии толщиной в несколько сотен метров. Было слишком очевидно, что в ответ мне предложат каким-нибудь образом не дать замерзнуть и буру. А вопрос о том, где я возьму столько энергии на обогрев, аккуратно обойдут.

– Спасибо, Радим Ильич, – отлично поставленным голосом прогрохотал Идан Могучевич. – Прервемся, коллеги. Сбор специалистов, задействованных в экологических проектах, – через час.

Аудитория немедленно оживилась: зашелестела заметками, защелкала застежками портфелей. Бывшая комната психологической разгрузки – ныне зал для всеобщих сборов – быстро заполнился людским гомоном, а между расставленных стульев протянулось шествие удаляющихся на перерыв. Конференция чем-то неуловимо напоминала студенческую – только вот «студентам» в большинстве своем перевалило за четвертый десяток. Но что делать, они не знали точно так же, как и восемнадцатилетние.

Впрочем, и я не могла похвастаться достаточной мудростью, а потому молча сползла по стулу, запрокинув голову на спинку и вытянув ноги. Алевтина Станиславовна, кажется, была со мной солидарна и провожала шествие магологов устало-безнадежным взглядом, но потом все-таки встряхнулась и тоже отправилась в столовую.

– Ты не пойдешь? – спросил Лют. – Взять тебе что-нибудь?

Я безразлично пожала плечами, но выразить недовольство моим поведением особист не успел: к нашему ряду стульев приблизился Радим и заговорил, нервно поправив и без того нормально сидевшие очки:

– Ратиша, в кафетерий завезли апельсины и кофе. Вы составите мне компанию? – докладчик перевел взгляд на Люта и несколько побледнел, но стоически добавил: – Разумеется, я буду рад и вашей компании, Лют Алексеевич.

– Простите, я собиралась домой, – виновато улыбнулась я ему. – У меня там собака не выгулянная. Может быть, в другой раз?..

– Как скажете, – разочарованно вздохнул Радим и вышел из комнаты, болезненно расправив и без того широкие плечи.

Лют проводил их взглядом, в котором мужская солидарность явственно проигрывала неприязни, но все-таки сказал мне:

– Если твое «может быть» все-таки значит «нет», я бы на твоём месте сообщил об этом еще на второй попытке пригласить на свидание.

В международном реестре браков мое заявление о разводе по-прежнему висело, не рассмотренное второй стороной. Об этом, как и о специфических механизмах обмена магией при физическом контакте, знал весь исследовательский центр, но попыток пригласить меня на завтрак в постель не оставлял только Радим.

Иногда я всерьез подумывала согласиться. В конце концов, кто для меня Найден? Фиктивный муж. Мы не разговаривали и не переписывались. С момента моего побега я не получила от него ни единой весточки. Даже мое заявление он не соизволил прочитать. Чем я ему обязана?

Но...

– Наверное, ты прав, – вздохнула я и, не удержавшись, добавила: – Все равно у него волосы слишком короткие.

– Фетиш на длинных волосах у мужчин? – насмешливо поинтересовался Лют и взъерошил пятерней короткий ежик волос на макушке.

– Да не то чтобы, – я пожалала плечами, сама жалея о своей шутке, но все-таки закончила: – Просто шпильку вдеть некуда.

– Ну, вообще есть вариант, – кровожадно протянул Лют, но увеличивать градус пошлости и абсурда излишними подробностями не стал, вернувшись к более животрепещущей теме: – Так что тебе захватить из столовой?

Я виновато улыбнулась.

– Не надо ничего.

Лют громко цокнул языком и жизнерадостно извещил:

– Нет, кажется, я все-таки промахнулся со сменой. Ты правда собираешься снова весь вечер готовить? – спросил он, подумал и – кто бы сомневался? – бодрой скороговоркой поинтересовался: – Можно, мы с Беляной поменяемся, и я буду дежурить у тебя дома? Вот увидишь, ей пойдет на пользу, похудеет, встряхнется...

Я изобразила оскорбленную физиономию и демонстративно огладила бока, и Лют расмеялся:

– Нет, я не намекаю, что тебе тоже нужно похудеть, – милостиво сообщил он и тут же попортил все благоприятное впечатление, добавив: – А вот встряхнуться не помешало бы.

На это возразить было нечего.

Я привыкла к умственному труду – достаточно напряженному, чтобы на работе забывать обо всех проблемах за ее порогом; а моя нынешняя должность, хоть и называлась «консультант по инновационным технологиям», по факту сводилась к попыткам не отравить насмерть лабораторных крыс, регулярным спорам с профессором Чечевичкиной и бесконечным отчетам. В исследовательском центре шли работы по экологическому, экономическому и планировочному профилям – но, положив руку на сердце, я ничего не смыслила ни в первом, ни во втором, ни в третьем. После первой недели во Временном городке я заикнулась было о курсах переподготовки (в конце концов, чем плохо предложение Велиславы?), но Лют со свойственной ему бесцеремонной прямоотой объяснил мне, что проектировщиков в Союзе полно, а магов – я одна, и подобные идеи вряд ли встретят одобрение со стороны Особого корпуса. Возможно, через несколько месяцев, когда наметятся хотя бы примерные пути выхода из энергетического кризиса и удастся воспроизвести феномен усвоения твердой магии организмом...

Но пока на рефлексию у меня оставалось значительно больше времени, чем стоило бы. А тем для размышлений осталось всего две: чертова работа и чертов Найден.

Иногда предложения Радима обретали поистине магическую притягательность. Но, как правило, он к этому моменту уже исчезал с горизонта.

– Возьму пару уроков у Тайки, – пообещала я Люту и накинула на плечи кофту.

Беяна уже ждала меня на крыльце исследовательского центра. Я даже застыла на мгновение, убеждая себя, что залюбовалась, а не обзавидовалась: молочно-белая кожа с нежным румянцем от мороза, крупные светло-каштановые кудри, выбившиеся из-под форменной шапки; чудовищная черная парка Особого корпуса – и та сидела на ней, как влитая, лишь подчеркивая натренированную, стройную фигуру. И что там Лют заикался про похудение?

При знакомстве я задавалась вопросом, как девушку с такой внешностью потянуло в особисты, ровно пять секунд – пока этот ангел во плоти не вытащил сигарету и не открыл рот.

– Задержалась уморить крыску-другую? – насквозь прокуренным, царапающим слух голосом поинтересовалась Беяна и со вкусом затянулась.

– Все жду, что они объединятся, освоят магию и придут мстить, – в тон ей отозвалась я, – тогда мне, наконец, разрешат уволиться.

– Наивная, – хрипло хмыкнула моя сопровождающая и прицельным щелчком отправила бычок в урну. – Тогда ты станешь единственной защитой людей от магически одаренных крыс. Пойдешь сегодня гулять с Тайкой?

Я честно постаралась спрятать усмешку и кивнула. У обоих моих сопровождающих обнаружилась общая слабость – что, с одной стороны, не могло не радовать, а с другой – преизрядно добавляло проблем: я так и не рискнула рассказать, что Тайка не мерзнет. После месяца неудачных экспериментов слишком велик был риск, что Алевтина Станиславовна, услышав подобные новости, перейдет с крыс на собак.

А убедить Тайку, что без кроссовок она не выйдет из дома, несмотря ни на что, оказалось той еще задачей.

Прежний комбинезон остался в Сайтаре вместе с моей шубой. Мама уже выслала мне новый, но из-за обязательных проверок почты я могла получить его в лучшем случае к концу следующего месяца, а купить замену во Временном городке возможным не представлялось. Промаявшись с неделю, я достала старые штаны, ножницы и иголку.

На мое счастье, Беяна шила значительно лучше, чем я, а терпения, чтобы наблюдать за моими попытками скроить хоть что-то, ей не хватало. Теперь Тайка выглядела не так стильно (уж что получилось из потасканных лыжных штанов), но теперь притягивала взгляды как единственная собака, одетая ни много ни мало особисткой четвертого чина – правда, ценить это я ее так и не приучила.

Но, по крайней мере, теперь площадь выгула не ограничивалась климатическим куполом, а Беяна с удовольствием присоединялась к обязательной игре, и к вечеру у меня еще оставались силы на домашние дела.

Точнее, одно дело.

Вернувшись из Альго-Сай-Тара, я обнаружила, что пайки из столовой истекают прогорклым жиром, еда из кафе расплывается на языке мыльным привкусом дешевых ароматизаторов, а покупная с рынка – несъедобна в принципе. Помучившись несколько дней, я раздобыла кулинарную книгу и, проклиная все на свете, стала проводить на кухне не меньше трех часов в день.

Чертов найденыш ухитрился изменить мою жизнь повторно – будучи на расстоянии в пару тысяч километров, ни разу не позвонив и вообще не подав никаких признаков жизни. Причем все – начиная с Тайки и заканчивая Беримиром – к переменам отнеслись строго положительно. Естественно, не им же приходилось весь вечер напролет дежурить у плиты...

Порой я ловила себя на предательской мысли, что мне не хватает Найдена.

На работе все шло по накатанной: утром, явившись в лабораторию, я обнаружила в одной клетке два холодных крысиных тела с зеленоватой шерстью, а в другой – одинокий трупик с торчащей из спины сосулькой; вздохнула и пошла смотреть записи видеонаблюдения, чтобы внести в журнал время смерти. Заставшая меня за этим делом Алевтина Станиславовна даже не стала подходить к клеткам, а сразу пошла вниз, в виварий – за новыми подопытными.

– Чувствую себя живодером, – пожаловалась я Люту, как обычно, сопровождающему меня в исследовательском центре.

Особист наградил меня темным, ничего не выражающим взглядом и тоже уставился в голограф. На полупрозрачной голограмме крысы тесно прижимались друг к другу, нахохлившись и тщетно пытаясь согреться, и постепенно зеленели. Одинокий крысак методично грыз прутья клетки – то ли стачивал зубы, то ли надеялся вырваться на свободу.

– Что будет сегодня? – спросил Лют, даже не пытаясь изобразить сочувствие.

Тихо подошедшая лаборантка забрала трупики из клеток и обреченно потащила в свой отгороженный угол. Особист повернулся было туда, но быстро передумал, стоило только Дарине достать крошечный скальпель.

– Теория Ежова, – ответила я Люту и быстро поставила запись на паузу – грызший прутья крысак замер на середине падения, и казалось, что он просто вздумал опереться на полупрозрачный зеленоватый кристалл спиной.

– Это тот, который предлагал посадить в одну клетку разнополых крыс? – напряг память особист. – Типа, все равно размножиться не успеют?

– Предполагалось накачать магией только самцов, – сообщила я и невольно покраснела.

Теория, в общем-то, имела право на жизнь: я в первый раз магию восприняла тоже отнюдь не после направленной передачи, – но это никак не отменяло регулярно появлявшееся желание провалиться сквозь землю. Вдобавок несчастные крысы...

Со стороны, без знания методологии и вообще каких-либо основ, наука порой здорово напоминала не то тщательно документируемые попытки попасть пальцем в небо, не то соревнование по изощренности издевательств над ни в чем не повинными крысами. Успокаивало только то, что со мной работали люди, с методиками и основами знакомые, – а значит, во всем этом был какой-то смысл.

Как назло, поначалу крысы воспринимали магию вполне благосклонно. «Заряженные» ничем не отличались от собратьев.

В виварии всех их готовили одинаково – в воздух порционно подавалась газообразная магия, из-за чего пришлось установить в подвале вонючий генератор, работающий исключительно на отопление, а сотрудникам запретили ходить без респираторов и выдали утепленную униформу. По задумке, крысы должны были привыкать постепенно и неспешно, но поджимающие сроки вынуждали потихоньку повышать концентрацию магии в воздухе. Алевтина Станиславовна предполагала, что это – одна из основных причин постоянных провалов.

Но, попав к нам, часть крыс умирала в первые же часы – а один рекордсмен, между тем, прожил целую неделю, одарив нас ложной надеждой и бесславно скончавшись от декомпрессии на восьмой день. Его профессор препарировала с особым вкусом, но никаких принципиальных отличий так и не выявила. После этого я все чаще ловила на себе оценивающие взгляды, но о том, что, вероятно, точно так же не принесу патологоанатому никакого озарения, старалась не думать. Как, кажется, и Алевтина Станиславовна.

А к вечеру у нас был первый результат.

Совершенно здоровый, довольный жизнью белоснежный крысак – и мертвая девочка с зеленоватым кристаллом, проросшим прямо сквозь нежное брюшко.

Я не могла на это смотреть.

Зато Алевтина Станиславовна и Дарина – смотрели с заметным оживлением; запись в инфракрасном спектре занимала их особенно, и Лют, проиграв извечную войну с собственным любопытством, оставил меня в специально отведенном для отдыха закутке и присоединился к просмотру.

Вернулся весь зеленый, как будто тоже наглогался магии, и бесцеремонно увел у меня кружку с остатками кофе. Я не стала возмущаться.

– Какой-никакой, а прорыв, – сказала я ему, когда особист допил кофе и мрачно уставился в пустую кружку.

На дне была нарисована сова с нервным тиком и, кажется, Лют сопереживал ей всей душой.

– Ты меня успокаиваешь или себя? – уточнил он, хмуро посмотрев на меня поверх кружки.

– Обоих, – я пожала плечами и отобрала у него свою кружку: мне тоже хотелось кофе. – То же самое могло случиться с Велиславой. Или со мной. Спокойствия это не добавляет, но, по крайней мере, самцы живы уже почти восемь часов...

«...и те самочки, что не сдались так просто, – тоже», – мрачно закончила я про себя. Лют провожал меня взглядом и, кажется, думал о том же самом.

– А образец-то чист, – жизнерадостно сообщила Дарина, заглянув в наш закуток. – Концентрация магии в крови соответствует тому уровню, который поддерживался в виварии. Он слил излишки в самочку! Интересно, это случайно вышло или крысы способны поддерживать определенный уровень магии, если дать им механизмы сброса?

– Шпилька, – машинально вспомнила я.

– Сгрызут, – неоптимистично высказалась лаборантка. – Вот если бы мы смогли сделать какой-нибудь аналог из чего-нибудь менее хрупкого...

Но у нас не получалось и из дерева. Что делают татуировки, я еще худо-бедно понимала: магия концентрировалась в них, и управлять ей становилось гораздо легче, нежели при попытках осознать свое тело как полный энергией сосуд. А вот какой тайный смысл вкладывался в деревянные амулеты, что они работали, даже когда их владельцы понятия не имели, чем их одарили? Над этим ломал голову добрый десяток научных сотрудников, но результатов пока не было никаких.

– Алевтина Станиславовна предложила, если выживет хотя бы три самца из пяти, нанести им татуировки и повторить эксперимент, – сообщила Дарина и с притворным сочувствием спросила: – Ты выдержишь? Все в порядке?

– Выдержу, – скорее назло ей, нежели из-за уверенности в своих силах, ответила я.

Дарина налила две кружки чая и ушла обратно в лабораторию. Лют проводил ее взглядом и вытащил из кармана полупустую пачку сигарет.

– Здесь нельзя курить, – хором со мной заявил он и открыл окно настежь. – Что? Ты же все равно не мерзнешь.

Я кивнула в сторону горшка с одиноким денежным деревцем на подоконнике, и Лют, хмыкнув, переставил его на стол, но потом все равно высунулся в окно. Долго курить возможным не представлялось, но он выжал из этого маленького бунта все, что только можно, и обратно заполз с инеем на ресницах, пропахший не столько табаком, сколько морозом и силой. Я молча вручила ему чашку кофе.

– Меня все не оставляет мысль, что это все – попытки потрепыхаться перед неизбежным, – сказал Лют, обхватив чашку ладонями и глядя в сторону. – Ну, освоим мы сейчас магию, а дальше-то что? Брать ее у драконов все равно больше нельзя. Рано или поздно она закончится, и все наши усилия пойдут коту под хвост. Нет, понятно, что конкретно сейчас они нужны, чтобы утереть нос Альго-Сай-Тару... – он вздохнул, повертел в руках початую пачку

сигарет и убрал ее в карман. – Но мне все равно кажется, что игра не стоит свеч. Ты... – мне достался быстрый взгляд исподлобья и тяжелый вздох. – Я бы на твоём месте напился.

– Я напивалась, – рассеянно сообщила я ему и, отвернувшись, поставила в автомат пустую чашку. В машине что-то загудело, и в чашку ударила тонкая черная струйка. – Но это не решает проблем. А работа – решает. Даже если выглядит так... странно. Освоение магии не поможет избежать энергетического кризиса, но мы – не единственный исследовательский центр в Союзе. Есть и те, кто сейчас занят проектами электростанций, и рано или поздно их работа принесет свои плоды. Наше дело – продержаться до «поздно».

– Никаких крыс не хватит, – проворчал Лют у меня за спиной.

Я собралась было сделать лицо посерьезнее и изложить ему предложение по динамо-машинам на основе хомячков в колесах, но отвлеклась на вибрацию в кармане. Мгновением позже зазвучал звонок, и я с недоумением потянулась за переговорником, а Лют вытянул шею, рассматривая пустой экран с незнакомым номером.

В трубке молчали.

– Что за... – я нажала на сброс и, посомневавшись, перезвонила: никакой мошенник не рискнул бы набрать номер из закрытого городка, так что, вероятно, со мной пытались связаться по делу.

Но трубку никто не взял.

– Дай-ка, – потребовал Лют и, получив мой переговорник, с сомнением хмыкнул. – Номер неместный, – настороженно заметил особист и переписал его себе. – Ты же нигде не публиковала свои контакты?

– Нет, конечно, – я растерянно помотала головой. Выставлять в открытый доступ свой номер – нормальный ход для торговцев и публичных лиц, но никак не для сотрудницы исследовательского центра, чье имя громовым раскатом прозвучало на весь Союз обещанием скорой войны. Я отлично понимала, что есть люди, которым вооруженный конфликт очень даже выгоден, – и миллионы тех, кто молится, чтобы беда прошла стороной; раз уж моя жизнь вдруг стала столь значима, отсвечивать лишний раз уж точно не стоило. – Проверишь? – опасливо уточнила я.

– Конечно, – кивнул особист. – Только придется на пару дней конфисковать переговорник.

Я прикусила губу – на днях мама должна была добиться права звонка – но покорно отдала трубку Люту. На этот номер могли звонить только люди из закрытого списка моих кураторов, коллег и родных, и они бы уж точно не стали раздавать мои контакты направо и налево. Хорошо еще, если кто-то просто ошибся при наборе, – а если утечка?

Черт, многие нашли бы, что мне сказать после всей этой кутерьмы с якобы-вовсе-непохищением!

– Не дрожи, – скомандовал Лют и, быстро отставив свою чашку, поднялся на ноги. – Ничего из ряда вон не произошло.

Я кивнула и, опершись руками о кухонную тумбу, с сомнением взглянула на свой кофе. Кажется, имело смысл принести на работу пустырник или, на худой конец, сушеную ромашку.

– Когда у тебя последний раз был выходной? – задумчиво спросил особист, остановившись в полушаге. Посомневался, но все же взял меня за запястье, нащупывая пульс. – Тиш?

– На прошлой работе, – нервно рассмеялась я. – Зато потом – практически недельный отпуск, даже с путешествием в теплую страну... правда, от моря далековато получилось.

Лют закончил отсчет и, помедлив, отпустил мою руку. Но предлагать мне плюнуть на все и отправиться домой, отдохнуть пару дней, – многомудро не стал. Да и не успел бы: мой переговорник разразился звонкой трелью из его кармана, и особист вытащил его на свет. Я посмотрела на экран и растерянно подняла взгляд.

Лют задрал левую бровь и принял вызов, но на его вежливое «добрый день» тоже никто не отозвался. Особист на всякий случай позвонил с моего переговорника на свой номер – аппарат работал нормально.

– Передам техникам, – пожал плечами Лют и убрал трубку обратно в карман. – Тиш? Тебе плохо?

Я молча покачала головой и привалилась спиной к кухонной тумбе. Чашка опасно звякнула о кофе-машину, и я внезапно поняла, что меня колотит крупная дрожь, а эмблема Особого корпуса на форменной куртке Люта пляшет перед глазами. Я протянула руку и обрисовала ее пальцем – черное на черном, просто три горизонтальные полосы, видимые только вблизи – и даже не сразу поняла, когда меня обняли, почти уткнув носом в нашивку.

– Тихо, – негромко шепнул Лют, поглаживая меня по спине, – ничего страшного не случилось. Это всего лишь номер. Его всегда можно поменять.

– Я много чего хотела бы поменять, – призналась я и неловко обняла его в ответ, отогревая внезапно заледеневшие ладони о его поясницу.

– Придется пока ограничиться номером, – вздохнул он. – Успокоилась? Проводить тебя в медпункт?

Я беспомощно кивнула и, опомнившись, отпрянула назад – как раз вовремя, чтобы заметить, как Дарина смущенно топчется у приоткрытой двери, держа в руках две пустые чашки из-под чая.

Глава 2. Flashback

*(англ.) ретроспектива, взгляд назад

Утренние результаты вчерашнего эксперимента все единогласно признали ошеломляющими: из десяти крыс в живых осталось шесть – все самцы и одна самка. Проверив подопечных, я остановилась у крайней клетки, со смешанным чувством рассматривая единственную не распавшуюся пару.

До сих пор даже «долгожители» на второй день покрывались зеленоватым ледком или, на худой конец, мистически-зловеще фосфоресцировали, из-за чего до Дарины у нас сменилось аж три лаборантки за месяц. Однако пара крыс в клетке казалась совершенно нормальной – как будто только что из вивария.

Но даже это эпохальное событие, без сомнения, привлечшее внимание всего исследовательского центра, не спасло нас с Лютом от косых взглядов. И если я, и без того выслушавшая достаточно разнообразнейших сплетен о своей персоне, нервничала, то Особист оставался спокоен и язвительен, как обычно. Пронять его было гораздо сложнее; с этой задачей справилась только Алевтина Станиславовна, вернувшаяся из спецхрана с моей шпилькой в прозрачном пластиковом пакете.

– Я обсудила вопрос с руководством, и Идан Могутович подписал разрешение на выдачу артефакта в целях безопасности должностного лица третьего чина, – с каменным лицом сообщила она и вручила свою добычу Люту.

Особист повертел в руках пакет, рассматривая шпильку через прозрачный пластик, и насмешливо заломил левую бровь.

– Предусмотрительно, – заметил он, старательно не замечая, как я заливаюсь краской, – но поспешно. Во-первых, Ратиша под наблюдением отдела по особым поручениям, а я, как вы заметили, должностное лицо. А во-вторых, Особиста вам на опыты все равно не отдадут.

На лице явно подслушивающей Дарины обозначилось здоровое сомнение, на моем, подозреваю, тоже – а следом умолк и Лют, хотя Алевтина Станиславовна не позволила себе ни единого лишнего замечания, отлично понимая, что и без того перегнула палку. Но все мы слишком хорошо осознавали, что речь идет о вещах такой важности, что, пожалуй, после некоторого размышления МагКонтроль мог отдать на опыты хоть весь отдел по особым поручениям.

– А если в частном порядке? – с надеждой поинтересовалась профессор Чечевичкина, не спеша нагнетать обстановку. – Может, хотя бы образец крови...

Лют хмыкнул и явно собрался разразиться язвительными замечаниями, но я нервно вздохнула и сказала:

– Лучше сдай. Мы не знаем точно, как работает механизм передачи, и вполне возможно, что даже обычного прикосновения достаточно для активации. Если показатели окажутся повышенными, шпилька действительно не помешает.

Особист обернулся ко мне, но задавать напрашивающийся вопрос вслух не стал – и за это я была ему особенно благодарна.

Анализ крови, внезапно понадобившийся Люту после того, как его застучали в обнимку со мной на рабочей кухоньке, однозначно придаст сплетням особую пикантность. Но если я действительно накачала его магией, то об этом лучше узнать до того, как она начнет выпирать кристаллами наружу.

Поэтому в ответ на незаданный вопрос я кивнула с мрачной решимостью. Лют помолчал, словно давая мне время одуматься, а потом весомо сказал:

– Если показатели окажутся повышенными, результат не должен выйти за пределы этой комнаты, – он адресовал особенно выразительный взгляд смутившейся Дарине. – А взамен я побуду белой крыской. В частном порядке.

Подобное заявление от черного особиста прозвучало бы забавно, если бы не смысл его слов. Подписаться на роль подопытного кролика без заключения договора, ограничивающего бурную фантазию экспериментаторов, – просто ради того, чтобы наши имена не трепали попусту, – пожалуй, на это даже я бы не решилась. А ведь у него, в отличие от меня, был выбор...

– Ну-ка цыц, – скомандовал Лют, не дав мне и рта раскрыть. – Еще анализ не готов, а ты уже споришь.

– А если... – робко мяукнула я, но особист, не дослушав, демонстративно закатил глаза и принялся расстегивать форменную куртку.

Приободрившаяся Алевтина Станиславовна рыкнула на Дарину, и та побежала за оборудованием. Лют без лишних сантиментов приставил стул к столу, на котором не далее получаса назад препарировали умершую вчера крысу с кристаллом в животе, уселся и вытянул левую руку. Вернувшаяся лаборантка споро перетянула ее выше локтя, и я малодушно отвернулась.

Повернуться обратно меня заставил только характерный хлопок.

Из пробирки в руках Дарины росла тонкая полупрозрачная игла изо льда, покрытая жутковатыми темно-бордовыми разводами. Алевтина Станиславовна смотрела на нее, как ребенок – на вожделенную конфету. Лют, вопреки ожиданиям, – с каким-то отстраненным, ироничным интересом.

– Ратиша? – с огнем в глазах окликнула меня профессор, и я без лишних вопросов сменила на стуле безмолвствующего особиста.

Но моя кровь, как и раньше, вела себя вполне благопристойно и никакими иглами не стрелялась – даже после второй пробы, когда мне отдали кристалл магии из анализа Люта.

– Кажется, придется отращивать волосы, – философски заключил особист. Испуганным он не выглядел – как будто и не выяснил минутой ранее, что без привычной исследовательской бесцеремонности Алевтины Станиславовны был бы мертв в лучшем случае к концу недели. – И нет, Дарина, ничего не было, поэтому, Тиш, никаких девчачьих поцелуйчиков в щеку вместо приветствия. Разве что кто будет трепать языком...

Мы одинаково оскорбленно посмотрели на него. Дарина – потому что хоть и не сочувствовала мне, но и так отлично понимала, что сболтнула лишнего, а я – потому что никаких девчачьих поцелуйчиков за мной отродясь не водилось.

Потом до меня все-таки дошло, и я искренне устыдилась.

– Прости, – попросила я. – Из-за меня ты... – и снова не смогла закончить, потому что меня безо всякой опаски щелкнули по носу.

Правильно, чего теперь-то бояться...

– Тебе напомнить, как я получил эту работу и кто кого первый обнял? – нарочито легкомысленно хмыкнул Лют. – Из-за нее, видите ли! – и, резко посерьезнев, повернулся к профессору. – Алевтина Станиславовна, эксперименты на крысах прерывать нельзя. Я готов предоставить вам исследовательский материал, но будет лучше, если...

– Не учи ученого, – поморщилась Чечевичкина. – За крысами ведется наблюдение, до прибытия татуировщика у нас целый день, так что доставай из пакета шпильку и иди сюда.

Лют хмыкнул, но спорить со знающим свое дело человеком не стал и до вечера честно сдал шесть пробирок крови – по одной в час – со все уменьшающейся ледяной иглой. Пропадать окончательно она не спешила, так что шпильку было решено на всякий случай оставить.

Поскольку для артефактного действия требовался непосредственный контакт, а вдеть ее в волосы или просто таскать в руке не представлялось возможным, Люту пришлось спрятать шпильку под форменный черный свитер, заткнув за ремень штанов.

– Не смейся, – скомандовал он мне, поправляя свитер.

Я честно попыталась, но с нервным хохотом ничего поделаться не смогла. Ассоциации с грелкой под свитером были весьма яркие и однозначны, и держать себя в руках не получалось.

– Пойдем, – вздохнул Лют, признав тщетность попыток призвать меня к порядку, и честно проводил меня до крыльца исследовательского центра.

Судя по тому, что Беяна уже скурила сигарету до фильтра, ждала она нас очень долго и особого счастья по этому поводу не испытывала. Лют не добавил ей радости, сходу поинтересовавшись:

– А когда у тебя последний раз был выходной?

Вопрос, похоже, рисковал попасть в категорию его любимых – и нелюбимых у самой Беяны, потому как ответ на него был весьма печальным. На нынешней работе с выходными ей, как и мне (да и всему исследовательскому центру), катастрофически не везло. Но Беяна была коллегой Люта, а не безропотным инженером, и потому предсказуемо ответила вопросом на вопрос:

– А у тебя? – и выпустила клуб особенно вонючего дыма.

Лют завистливо принял и тоже потянул из кармана пачку, за что немедленно встрял на сигарету. Я отступила на шаг назад, пряча нос в шарфе, и господа черные курильщики проводили меня подозрительными взглядами, как будто на полном серьезе готовились ловить, если мне вдруг вздумается драпать.

Драпать, признаться, хотелось. Очень. Но иллюзий на счет своей физподготовки я не питала никаких.

– А у меня, – сообщил вдруг Лют, со вкусом затягиваясь, – сегодня запланирован вечер с девушкой.

Мы с Беяной уставились на него с одинаковым недоумением. Не то чтобы Лют выглядел праведником, принесшим обет воздержания, – скорее уж наоборот, – но с чего бы ему ставить нас в известность? Чтобы позавидовали, что ли?

– У меня тоже запланирован вечер с девушкой, – язвительно известила его особистка, кивнув на меня.

Я подавилась смешком. Ну, если рассматривать в таком контексте... прогулка с ослепленной двойным вниманием Тайкой, совместная готовка ужина и даже ночевка под одной крышей у меня тоже была запланирована. С девушкой. И очень даже симпатичной – хоть и пропахшей табаком.

– Вот я тебе и намекаю, – мягко сообщил Лют, – что мы планируем провести вечер с одной и той же девушкой, а ты рискуешь оказаться третьей лишней. М-м?

А пока я радовалась, что шарф удерживает упавшую челюсть и одновременно затыкает мне рот, не позволяя вывалить все свое недоумение и негодование, Беяна вдруг вся как-то подобралась, посерьезнела и даже затушила сигарету.

– Все-таки ты?.. – спросила она без явной связи с предыдущим разговором. – Есть еще.

– Я уже, – мрачно хмыкнул Лют. – Не в том смысле, но отцу можешь передать. Только чтобы дальше не пошло, ладно?

И оба покосились на меня. Я вжала голову в плечи, но любопытный блеск в глазах погасить не смогла.

– Нет, – сразу сказал мне Лют. – Ни слова. Ты вообще ничего не слышала, ясно?

Я безнадежно кивнула. Рассчитывать на то, чтобы особист по доброте душевной поделился подробностями подковерных интриг своего отдела – пусть даже я явно как-то в них вовлечена – не приходилось.

– Умница, – похвалил Лют. – Возьмешь Тайку, прогуляемся до магистрали, задержимся ненадолго и вернемся. Ужин – с меня. Сплетни, конечно, будут, но их я беру на себя. Пару человек заткну, остальные сами догадаются, как правильно держать язык за зубами.

Я высунула нос из-за шарфа и наивно поинтересовалась:

– А моего согласия ты спросить не хочешь?..

Тайка, меховая предательница, при виде этого бесцеремонного чинуши пришла в бешеный восторг: подпрыгивала, виляла хвостом, лаяла и поскуливала, пока невольно развеселившийся от сей картины Лют не плюнул на так и не снятую парку и не принялся начесывать собаку за ухом. Я зашла в дом за комбинезоном, а вернувшись, застала ее в эротической позе – лапы в стороны, пузо кверху, на морде – блаженство. Особист чесал подставленный ему меховой живот с аналогичным выражением лица.

– Ребят, я вам не мешаю? – скептически уточнила я.

– Присоединяйся, – предложил Лют, посмеиваясь.

Участвовать в групповухе я отказалась, а Тайка, услышав характерный шорох комбинезона, подхватила и дисциплинированно встала на все четыре лапы, чтобы хозяйке было сподручнее ее одевать, но на особиста косилась с предвкушением. Он не разочаровал: прогулка вышла длинная, а Лют вовсе не гнушался развлечениями в духе «швырни собаке палку», «кинь снежок» и «изваляй товарища в сугробе».

Поскольку под определение товарища с равным успехом подходила и Тайка, и я, до магистрали мы добрались раскрасневшимися, остаточными подхихикивающими (или, в Тайкином случае, полаивающими) и даже взаимно довольными.

Магистрали там, строго говоря, уже не было. Трубопроводы разобрали, траншею засыпали, и только никому не нужная бытовка с выбитыми стеклами и погнутой стеной обозначала место, где планировалась постройка второй по значимости системы магоснабжения в стране.

Но тоска на меня накатила не поэтому, а бессильная злоба и вовсе не относилась к числу эмоций, вызываемых заброшенной стройкой.

– Уже здесь? – спросил Лют, будто уловив перемену моего настроения.

В последнее время подобная чуткость не вызвала у меня ничего, кроме подозрительности, и я молча заломила бровь.

– Я ее не слышу, – сказал особист. – Драконессу. А ты улавливаешь ее настроение уже на этом расстоянии?

Переважив его вопрос, я нахмурилась. Кажется, в прошлый мой визит на магистраль я «услышала» Третью только у самой траншеи, а бытовка стояла ближе к госпиталю...

– Она злится все сильнее, – осторожно сформулировала я.

Но Лют, к счастью, не относился к числу тех, кто считал, что драконье горе я выдумала для пушей драматичности.

– Ты говорила, что связь двухсторонняя, – сказал особист, вместе со мной шагая к центру месторождения. Судя по неунывающему виду, он действительно ничего не чувствовал. – Сможешь попытаться ее как-то... ну, утешить?

Я недоверчиво посмотрела на него снизу вверх. Тайка, поджав хвост, доверчиво прислонилась ко мне меховым боком.

– Мы все еще говорим о многотонной ящерице, живущей сотни тысяч лет. Как считаешь, с какой скоростью она думает? Мои увещания ей покажутся комариным писком, – неуверенно хмыкнула я.

Это уже не говоря о том, что мне самой чертовски хотелось бы, чтобы меня кто-нибудь утешил. Два горя плохо уживаются рядом: каждый хочет говорить о своем, а не сочувствовать чужому.

– Но попытаться-то ты можешь? – с еле слышным нажимом поинтересовался Лют.

Я растерянно пожала плечами и остановилась.

Раз я ее слышала даже отсюда – значит, и она меня услышит. Незачем идти дальше.

Только вот что я могла ей «сказать»? «Мне очень жаль» – плохо перекладывается на язык эмоций. «Мне стыдно за свое невежество и грустно из-за того, что оно причинило тебе боль» – уже ближе, но вряд ли способно кого-то успокоить.

Разве что... я уселась в ближайший сугроб, обняла Тайку и, зажмурившись, уткнулась носом ей в холку. Почти полтора месяца назад – полторы вечности назад – эта жизнерадостная рыжая девочка стала единственным, ради чего я хваталась за реальность и искала способ выбраться, вернуться и жить дальше, несмотря ни на что. Я была не одна, я была нужна ей, и это меня спасло.

Ответственность за кого-то.

Третья тоже была не одна. Первая значила для нее много – если вообще не все на свете – и с ее гибелью мир стал тусклее, тоскливей, но здесь все еще оставались Вторая, Четвертый и Пятый. С ними Третью связывали точно такие же узы, и она была для них тем же, чем Первая – для нее.

...но драконы точно так же скорбели о Первой и гневались. У них была Третья, о да. Но это никак не отменяло того, что Первую убили. Убили беззащитную, во сне, убивали медленно и со вкусом, называя ее смерть техническим прогрессом и ни о чем не жалея, ничего не стыдясь. Ее убили люди, мимолетные, мелкие, мелочные, чья жизнь не стоила и грана от ее вечности...

– Тиша!

Меня заставил встряхнуться даже не оклик, а весьма чувствительный, несмотря на толстый рукав парки, укус. Но на тот момент я была совершенно не настроена обижаться на Тайку из-за него.

– Ну-ка иди сюда, – скомандовал Лют, но подошел в итоге сам – и протер варежкой мое лицо. – Судя по тому, что ты разревелась, драконесса тебя все-таки слышит?

– Не знаю, – неуверенно отозвалась я. – Если и слышит, то я ее только сильнее рассердила.

Кажется, к числу персон с завышенным чувством личной ответственности Третья не принадлежала.

– Ладно, – устало вздохнул особист и протянул мне руку, помогая подняться. – Значит, придется все-таки выписывать сюда Хотена.

– Хотена? – растерялась я. – Он-то тут причем? Разве его не отправили инспектировать ВоенПром?

На лице Люта отобразилась непередаваемая гамма эмоций. От искреннего сочувствия и понимания – до откровенной насмешки.

– Тиш, – негромко сказал он, – ну-ка, когда ты получила первую дозу магии от Найдена? Я насупилась, и Тайка еще теснее прижалась к моей ноге. Ей было неудобно и страшно.

– Когда тащила его в автосани после того, как нашла в сугробе.

Лучше бы он там примерз насмерть.

– А Хотен когда приехал? – вкрадчиво поинтересовался Лют.

– Несколько дней спустя, – неуверенно отозвалась я – и тут до меня, наконец, дошло. – Подожди... то есть он?..

Особист развел руками.

– Разумеется, мы опять ничего не знаем точно, – сказал он, виновато улыбаясь. – Как все-таки работают механизмы передачи – до сих пор загадка. Возможно, ты и не накачивала его магией. Но проверить-то стоит... хотя бы и в частном порядке.

– Он... – голос позорно дрогнул, и я поспешно замолчала, но Лют все равно обнял меня, уткнув лицом в черную нашивку на форменной парке.

– Не реветь на морозе! Что мне потом, за ручку тебя в тепло вести, чтобы глаза открылись? – беззлобно фыркнул особист. – Я же сказал – в частном порядке. Пока до этого додумался только отец Беяны, а он с Верещагиным в неплохих отношениях. Все, что от нас

требуется, – держать язык за зубами и не вызывать подозрений. Все наши переговорники прослушиваются, переписка отслеживается, но ты же сможешь придумать что-нибудь, чтобы он приехал и поговорил с тобой вживую? А шпилька, случись что, уже у нас, – нарочито весело закончил он.

– Так ты что, специально ко мне прикоснулся? – сообразила я. – В верхах хотят проверить разумность дракона и попытаться с ним договориться?

Но вместо ответа меня предсказуемо щелкнули по носу и пообещали вернуть переговорник уже завтра.

На Тайку Лют только выразительно покосился, но промолчал.

Глава 3. A bit of an awkward moment

(англ.) неловкий момент, неловкая ситуация

Под ужином Лют подразумевал паек с комбината быстрого питания. Едва выяснив эту немаловажную деталь, я решительно повернула домой. Особист, хоть и поворчал про привередливых девиц, не слишком-то возражал и даже самоотверженно проторчал в должности «принеси-подай» на кухне весь час, что я готовила рыбную запеканку.

А потом умял свою порцию меньше чем за три минуты, с веселым пониманием покоился на развалившуюся под столом сытую Тайку и полез за добавкой. Я чувствовала себя на редкость неловко и потому тоже постоянно отвлекалась на чрезвычайно довольную этим обстоятельством собаку.

Договор об освобождении предписывал установить круглосуточное наблюдение за моими перемещениями и контактами. Обычно Лют забирал меня из дома, провожал до исследовательского центра и проводил со мной весь стандартный рабочий день. Его напарница встречала меня у здания бывшего бюро и сопровождала меня до утра. С Беляной мы ужились прекрасно: особистка заняла зал с буржуйкой, оккупировав диван, самостоятельно следила за тем, чтобы в доме хватало дров и спичек, и принимала деятельное участие в уборке и готовке. Спустя пару недель после возвращения во Временный городок я уже не могла вспомнить, как управлялась с хозяйством без ее помощи. Собеседницей она оказалась хоть и язвительной и удивительно бескомпромиссной для своих лет, но интересной, и ее присутствие не стесняло и не давило.

А вот оставить ночевать у себя постороннего мужчину...

Ну, ладно, может, не такого уж и постороннего. Без Люта я наверняка скатилась бы в депрессию и жалость к себе – да и не был он никогда просто контактом с работы.

Наверное, в этом-то и заключалась проблема.

– Типш, – вдруг окликнул он, – сделай лицо попроще. – И без лишних комментариев полез за своим переговорником.

Увидев на экране Беляну, посматривающую на владельца трубки как на идиота, я обреченно вздохнула.

В этом не было никакой магии. Он не чувствовал мое настроение, как не слышал драконессу. Просто... угадывал как-то?

Впрочем, если припомнить, что говорил Хотен по поводу моей мимики, ничего удивительного в этом не было – кроме, разве что, желания прислушиваться и идти навстречу. Сам ревизор никогда особо не заморачивался.

– Садист, – сообщила я Люту. – Ты же человеку выходной пообещал!

Особист бросил на меня скептический взгляд исподлобья.

– Ты же глаз не сомкнешь, – заметил он. – Будешь всю ночь терзаться и проводить аналогии. Мне, конечно, нравится, когда красивые девушки теряют из-за меня сон и покой, но я предпочитаю давать им более приятные поводы... – особист резко замолчал, глядя мне в лицо, и насмешливо заломил бровь. – Вот-вот.

Я честно постаралась вернуть лицу нормальное выражение. Беяну было жалко (выходные – это святое!), а с нездоровым ассоциативным рядом следовало бороться, если я не хотела, чтобы он превратился в букет фобий.

– Снотворное выпью, – твердо сказала я. – Сам напросился на три смены подряд, а теперь на попятную?

– Нет. Я люблю свою работу, – как-то излишне серьезно отозвался Лют и сощурил глаза, отчего они стали казаться почти черными.

Я нашла взглядом Тайку – собака косилась на меня из-под стола, словно читая мысли, – и разозлилась сама на себя.

Найден исчез из моей жизни, как я того и хотела. Так с чего бы мне сравнивать с ним Люта? Какая разница, что за мужчина спал в той комнате раньше?..

Да еще так недолго.

– Постелю тебе на диване, – решительно сказала я и поднялась из-за стола.

Какая разница... дура наивная.

Меня не спасло никакое снотворное. Тайка, предательница шерстяная, даже не заглянула в спальню, хотя, пока Беяна занимала вожденный диван, собака не раз пыталась приспособиться на кровати рядом со мной. Сегодня мне оставалось только прислушиваться в ночном сумраке, как она ходит по залу и дробно бьет хвостом об пол. Скрипнул старый диван, зашестел плед – и снова скрип, уже громче, словно под двойным весом.

Насмешливое фырканье, приглушенный стук – должно быть, хвостом о спинку дивана, – и тишина. Я даже дыхания Люта не слышала – только Тайка вскоре засопела, наверняка чрезвычайно довольная собой.

Гудел генератор, потрескивали дрова в буржуйке, и сквозь пластик купола издевательски светила полная луна.

А среди ночи вдруг послышался скрип, недовольное собачье ворчание, шорох ткани, мягкие удаляющиеся шаги и хлопок входной двери. Я приподнялась на локтях: судя по звукам из купола, мой сегодняшний сосед вдруг вздумал устроить себе занятие физкультурой в третьем часу утра.

– Всю жизнь мечтала, чтобы мужчины теряли из-за меня сон и покой, – проворчала я в потолок и встала, на ощупь отыскивая халат.

Тайка, мирно дрыхшая поверх гостевого пледа на диване, повела ухом, но вставать и провожать меня поленилась.

Лют изволил отжиматься – даже не на деревянной террасе, а от холодного пластикового пола погодного купола, рискуя обморозить ладони и еле слышно ругаясь себе под нос в процессе счета. Я полюбовалась его спиной, обтянутой форменной майкой, и предложила:

– Снотворное?

Особист вздрогнул и сбился со счета, зато ругаться начал в полный голос – но быстро прекратил.

– Не слишком-то оно тебе помогло, – справедливо заметил он, поднимаясь.

Я посмотрела на его босые ноги – узкие ступни, неожиданно тонкие для парня щиколотки, рельефные икры – и отвела взгляд, не позволяя себе задуматься, куда он запрятал шпильку в отсутствие штанов.

Исчез Найден из моей жизни или нет, я все еще слишком хорошо помнила, что именно лучше всего помогало мне опомниться от потрясений и стресса.

И чем это закончилось для меня в последний раз.

– Как знаешь, – нарочито небрежно пожав плечами, я развернулась и дезертировала обратно в дом, всей спиной чувствуя мужской взгляд.

Нет, завтра здесь будет ночевать Беяна. А сегодня...

Я зашла в пустую спальню и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Постояла, отрешенно глядя на издевательски яркую луну и стараясь не прислушиваться к тихому отсчету из купола, перевалившему за четвертый десяток, и пошла на кухню.

Отличная ночь для кофе.

Лют присоединился ко мне уже на третьей чашке, для чего, собственно, чашку и увел. Я проводила ее тоскливым взглядом, но, привычная к osobистским замашкам, безропотно поставила джезvu на плиту. Тайка, проснувшись из-за наших перемещений по дому, обнаружила, что на кухне начались незапланированные посиделки, и оперативно передислоцировалась поближе к Люту.

Он машинально потрепал ее по холке, отхлебнул кофе и ссутулился над столом, опершись на него обоими локтями.

– Ладно, я облажался, – честно признался особист и криво ухмыльнулся. – Но ты и так давно все поняла, а, Тиш?

На темно-коричневой поверхности кофе медленно собиралась карамельного цвета пенка. Я смотрела на нее, потому что поднять глаза и, тем более, обернуться казалось непосильным подвигом.

Для таких разговоров я была слишком трезвой, выпавшейся и трусливой.

– Не я, – призналась, когда молчание затянулось. – Найден.

А я ему еще и не поверила и потом долго размышляла над каждым словом и жестом – не померещилось ли? Лют держался предельно корректно – насколько это понятие вообще к нему применимо – и все его поползновения умело балансировали на тонкой грани между дружеским подначиванием и флиртом, ни разу не склонившись в сторону последнего.

Сегодняшняя ночь на флирт тоже не тянула, но все мои сомнения разрешила с ошеломительным успехом. Только что с этим делать, я не имела ни малейшего понятия.

– Кто бы сомневался. И просветил тебя, конечно, во всех подробностях... – особист приглушенно фыркнул и тяжело вздохнул. – Тиш. Если это тебя так напрягает – нет, дослушай сначала, я же вижу, что напрягает – в отделе есть еще два сотрудника, изъявившие готовность работать с тобой. Оба женаты, так что проблем не возникнет.

– Как тебя допустили вообще? – не выдержала я и все-таки обернулась.

Лют сидел с каменным лицом. Судя по опущенной под стол руке, спонсором его самообладания была только Тайка.

– В смысле... – я растерялась. – У вас же наверняка есть какие-то ограничения на случай личной заинтересованности в объекте. Как ты умудрился уговорить начальство?..

Как-то привыкла за время знакомства, что такая физиономия у него бывает только при общении с подчиненными. Всем остальным, кому не нужно было внушать ужас и трепет, доставалась совершенно другая версия Люта: ядовитая, способная смеяться над чем и кем угодно и не признающая такого слова, как «неловкость».

Я не могла представить, чтобы тот же Хотен или Беримир вот так уселся ночью у меня на кухне и во всеуслышание объявил, что облажался. А потом еще и попытался наладить диалог вместо того, чтобы ретироватьсялизывать пострадавшее самолюбие.

Для этого нужно было быть Лютом. Без вариантов.

– Я бы тебе объяснил, как, – отмер, наконец, особист и усмехнулся, с заметным усилием возвращая лицу нормальное выражение. – Но за разглашение внутренних приказов по головке никого не гладят. А я люблю, когда меня гладят по головке, сжался.

– То есть приказ был не просто прикоснуться? – не сжалилась я.

Сопение под столом стало чаще, громче и счастливей. Спонсор самообладания был доволен. Лют – не очень.

– Просто прикоснуться, – поморщился он. – С крысами-то ты никаких непристойностей не делаешь, правда? Но, судя по анализам Беяны, обычного мимолетного касания тоже недостаточно. Крыс ты берешь на руки, а человека, вероятно, нужно хотя бы обнять. Я высказал предположение, что после истории с Найденом это будет чертовски непросто сделать, не поставив тебя в известность о планах МагКонтроля. Как видишь, не ошибся.

– А Тайка? – неуверенно спросила я. – Ее-то обнимал и ты, и Беяна... да половина моих знакомых ее тискала!

– Еще спроси, может ли она творить ледяные вихри, – хмыкнул Лют. – Беримир, Владислав и Беяна точно чисты. Я тоже был, пока не... ты там за кофе следишь?

Я отвернулась и честно помешала в джезве пружинкой. Интенсивность нагрева была низкой – отсутствие магии сказывалось даже на таких мелочах – так что разговору, по сути, ничего не мешало.

Кроме, разве что, нежелания Люта говорить о своей работе и моего – говорить о делах сердечных.

– В общем, она либо не может, либо не хочет передавать магию, – нехотя закончил свою мысль особист.

Я машинально кивнула, принимая к сведению, и продолжила помешивать кофе. В наступившей тишине довольное сопение Тайки звучало пулеметной очередью; Лют отвернулся и чесал собаку уже обеими руками, позабыв по наполовину полную чашку.

Дождавшись, когда вскипит кофе, я недрогнувшей рукой достала с сушилки кружку Найдена – не брать же ради одной ночи Беянину? – и нацедила напиток в нее.

Оказалось мало.

– Так что, я звоню в отдел? – уточнил Лют, когда я отвернулась от плиты, осторожно пробуя кофе.

Тяжело вздохнув, я уселась напротив него и запустила пальцы себе в волосы, мгновенно взлохматив их до состояния «через пять минут на шабаш». Терпкий запах специй и кофе только усугублял впечатление.

– Даже если опустить тот момент, насколько тяжело я схожусь с людьми, – сформулировала я, осторожно опустив напрашивающееся «и насколько легко сошлась с тобой», – и то, что ты пообещал Алевтине Станиславовне позволить проследить за выведением магии из организма, те двое не в курсе о Тайке и Хотене. Твое начальство не откажется от идеи проверить коммуникацию с драконом, а значит, об... особенностях Хотена узнают лишние люди. Не думаю, что он обрадуется. Черт, да он и так не обрадуется...

Ой как не обрадуется.

– Он-то нас обоих живьем съест и на начальство зуб наточит. Сожрать не сожрет, но подсидит, – усмехнулся Лют, повеселевший так, будто услышал все то, о чем я предпочла умолчать. – А знаешь ли ты, что давать людям ложную надежду – не очень-то красиво?

Я мысленно прокрутила в голове свой монолог со всеми его невольными паузами и поморщилась. Звучало действительно как-то...

Как будто я боялась потерять еще и Люта.

– Ты обещал мне переговорник уже завтра, – напомнила я ему, и особист заулыбался так, будто я как минимум накачала его магией по методу Найдена. – Где, кстати, шпилька?

Лют охотно потянул вверх майку, но остановился сразу после моего поспешного: «Не надо, я поняла!» – и от души посмеялся. И больше ни словом, ни жестом не возвращался к неожиданно всплывшей теме своего отношения ко мне, словно чувствовал, что я совершенно не готова это обсуждать – как бы ни хотелось ему привнести ясность. Я покорно поддерживала градус веселья, без слов обещая: я подумаю. Когда смогу.

Оставалось только надеяться, что это все-таки не магическая эмоциональная связь, а моя мимика послужила причиной такого взаимопонимания. Еще одного чертова эмпата я бы точно не пережила.

На следующий день мы установили своего рода антирекорд по производительности труда; работавший над крысами татуировщик, и без того выбитый из колеи поставленной перед ним задачей, то и дело косо поглядывал в нашу сторону.

На меня. Лют, надо отметить, даже носом клевать умудрялся достаточно грозно, чтобы ему никаких претензий предъявлять не рисковали. Дарина – и та мучилась от любопытства на безопасном расстоянии, а смелости Алевтины Станиславовны хватило ровно на один вопрос:

– Шпилька пригодилась?

Лют встрепенулся и повторил ночной номер, продемонстрировав деревянное облачко, заткнутое за пояс.

– Еще крови попить хотите?

– Хочу, – невозмутимо подтвердила профессор, и разговор свернул на куда более приемлемые темы – распитие osobистской кровушки, вопросы о расходных материалах для анализов и шпионские приемы, дабы обо всей этой эпопее не прознали ни на складе, ни в тату-мастерской в далекой мирной Мальве.

А анализы, к вящему разочарованию Дарины, оказались совершенно нормальными, безо всяких ледяных игл. Но о возвращении шпильки никто не заикнулся, а Лют вовремя сделал вид, что зацепился языками с татуировщиком. К вечеру они зевали почти синхронно, заразив сонным настроением не только сотрудников лаборатории, но и проходящую уборщицу, забежавшего на огонек Радима и, кажется, даже крыс – потому на появление Беляны мы отреагировали только вялым удивлением.

– Ты рано, – заметила я.

Osobistka бросила насмешливый взгляд на мгновенно взбодрившегося Люта, но от комментариев воздержалась и вручила мне маленький пакет.

– Твой переговорник. Тебе звонили из Мальвы, с номера Владимира Сотникова. Имя ни о чем не говорит?

Я неуверенно покачала головой. Лют наконец-то отцепился от татуировщика и подошел ближе, выслушивая новости с неослабевающим интересом.

– Неудивительно, – хмыкнула Беляна. – Сам он сказал, что у него какой-то прохожий попросил позвонить. Толкового описания не добились, с чего господину Сотникову взбрело в голову дать неизвестно кому свой переговорник – тоже, поэтому у тебя новый номер. Просто на всякий случай.

– Мама с папой в курсе? – спросила я, включив аппарат.

– Весь твой список контактов извещен, – равнодушно отозвалась Беляна. – Не бледней, с кафелем сольешься. Никто им причины смены номера не оглашал, это внутреннее дело Особого отдела.

Я благодарно кивнула и открыла список контактов. Если я правильно помнила, в Горнице сейчас было около девяти вечера, так что тянуть со звонком не стоило.

– Я сейчас, – виновато улыбнулась я и ушла на кухню. Лют с Беляной обменялись взглядами и, похоже, ухитрились без слов установить очередность, потому что следом за мной направился засыпающий на ходу особист, а не его отдохнувшая коллега.

Фотография на вызове была уже другая. Хотен как будто стал еще основательнее, квадратнее и суровее, – новые погоны, удачно попавшие в кадр, картину дополняли как нельзя более удачно; моему звонку ревизор предсказуемо не обрадовался, справедливо полагая, что для приятной вечерней беседы ни о чем я бы нашла другую компанию – и уж точно не стала бы вести разговор в режиме голограммы.

Не те отношения. Не тот человек.

– Привет, – с преувеличенной жизнерадостностью сказала я возникшей над столом голограмме ревизора в домашней футболке. Обстановку вокруг переговорник не проецировал: должно быть, визави счел, что это не мое дело.

Опять-таки, справедливо.

– Привет, – с точно выверенной дозой дружелюбия в голосе отозвался Хотен и перевел взгляд на застывшего за моим плечом Люта: я, напротив, постаралась, чтобы в обзор голограммы влезло как можно больше.

– Тебе же уже сообщили, что я сменила номер? Как дела в Горнице?

Ревизор не дал сбить себя с толку: на вопросы он дисциплинированно отвечал по порядку, не сообщая ничего слишком важного и личного. Ждал, когда ритуал вежливости специально для заинтересованных лиц из МагКонтроля будет завершен и я, наконец, перейду к делу. Я не стала затягивать и сообщила:

– Знаешь, я тут нашла на полке, где лежали твои вещи, какую-то записную книжку. Черная обложка, на форзаце – твоё имя, так что дальше смотреть не стала. Ты не сможешь заехать на днях? Я бы заодно передала домой маринованные грибы...

Взгляд Хотена предсказуемо отдрейфовал к Люту – и тут же вернулся ко мне.

– Через три дня у меня выходной, я постараюсь вырваться, – коротко сказал он, более ничем не выдавая свою тревогу.

Я кивнула и распрощалась – наверное, слишком поспешно, но общение с ревизором определенно требовало больше душевных сил, чем у меня было.

– Записная книжка? – удивленно хмыкнул Лют, стоически молчавший в течение всего разговора, несмотря на распивавшие его вопросы. – Серьезно?

Я пожала плечами.

– За папку с делом его бы прибили на работе, а за обычной тетрадь он бы куда-то поехал. В черной обложке выпускают записные книжки для ревизоров от четвертого чина и выше, но с тем же успехом это может быть и простой личный блокнот. А главное, Хотен весьма педантично проверил, все ли вещи забрал, и точно уверен, что ничего не забыл. Плюс, опять-таки, твоё присутствие... основную мысль он уловил, можешь не сомневаться.

Лют чуть подался назад, с какой-то нехорошей задумчивостью рассматривая меня, и хитро сощурился, отчего его глаза приобрели темно-кофейный оттенок.

Ну, или просто кофе у него плескался уже на уровне глаз, потому что следующее, что особист сказал, было:

– А ты никогда не думала над тем, чтобы работать на МагКонтроль?

За последний месяц я много думала о том, на кого бы работать. Но список потенциальных работодателей варьировался от проектного бюро Древограда до научно-исследовательского института Горницы – а МагКонтроль значился в другом списке, под кодовым названием: «Куда бы от них деться».

Но теперь, когда под вопросом оказалась не только моя судьба, но еще и будущее всех, кто так или иначе со мной контактировал... что-то мне с трудом верилось, что целый исследовательский центр до сих пор не соотнес время моей первой «зарядки» и число любовников после нее. Вероятно, до теории о Хотене еще просто не добрались – или не рисковали ее озвучивать, не обзаведшись соответствующим тылом, чтобы при случае активное сопротивление ревизора второго чина не закончилось для рьяного исследователя самым плачевным образом.

Да и в МагКонтроле все-таки не дураки сидят. Раз сообразил отец Беляны – значит, скоро додумаются и остальные. А кто сидит повыше – и озвучить рискнет, и организовать транспортировку ценного объекта, невзирая на его, объекта, мнение, куда менее ценное.

– Думала, – вздохнув, призналась я. – Только что. Отдел по тыловой поддержке внедренцев? А то уборщицей, честно говоря, было бы логичнее. Для этого мне квалификации хватит.

Лют фыркнул и полез к кофе-машине – вероятно, чтобы залиться уже по самую макушку.

– Самокритичность – чудесное качество для женщины, – сообщил он мне. – Вообще-то, главное – твой интерес. А куда тебя лучше распределить, в отделе кадров разберутся.

– У меня срочный контракт с исследовательским центром, – на всякий случай напомнила я, запоздало струхнув. Здесь-то я, по крайней мере, всегда знала, до чего дошла мысль доблестных исследователей, и в случае чего могла хоть как-то на нее повлиять. А обстоят дела с доступностью информации в МагКонтроле, можно было оценить по той щедрости, с которой Лют ею делился. – С пунктом о выплате неустойки при досрочном расторжении.

Особист обернулся, отхлебывая из кружки, и обреченно поморщился – не то из-за моей нерешительности, не то из-за того, что с кофе он сегодня уже действительно переборщил.

– Для бюрократических извращений у нас есть юридический отдел, а я предпочитаю что-нибудь более традиционное, смилуйся, – попросил он и с отвращением отставил кружку. – Сколько еще до конца смены?

– Минус семь минут, – честно ответила я. – Беяна, должно быть, скурила до фильтра пару пачек. Но ты так мило просишь пощады весь день...

Нашла, кого подкалывать. Лют, может быть, и чувствовал себя неловко в какой-то степени, – оттого в его речи сегодня то и дело мелькало что-нибудь вроде «сжался», «смилуйся» и «пощады», – но это вовсе не означало, что он просто так отступится.

Если бы понравившимся девушкам писали докладные записки и прошения, то можно было бы не сомневаться: к вечеру у меня на столе высилась бы целая гора бумаги.

– Это потому, что я облажался, – невозмутимо изрек особист и выплеснул остатки кофе в раковину, – и так хочу спать, что, кажется, даже не могу из-за этого переживать. Но ты же справишься за двоих, правда?

От неловких оправданий меня избавила только звонкая трель переговорника. Я вытащила его из кармана, ожидая увидеть на экране до невозможности серьезного Хотена, но на ровной серой поверхности светился только неизвестный номер.

Нахмурившись, под внимательным взглядом Люта я приняла вызов.

– Привет, – произнесла трубка знакомым голосом.

Пальцы внезапно похолодели, словно я снова стала ощущать магический мороз, и всего моего самообладания хватило только на то, чтобы с каменным лицом перевести звонок в громкий режим.

– Я так соскучился, Тиш, – тихо сказал Найден, и я все-таки выронила трубку.

Глава 4. A little knowledge is a dangerous thing*

(англ.) букв. «мало знать – опасно», аналог пословицы: «Полузнание – хуже незнания»

– На будущее, – мрачно сказал Лют, с усталой безразличностью рассматривая треснувший экран, – если тебе позвонит объявленный во всесоюзный розыск шпион, постарайся как можно дольше удерживать его на линии. И переговорник, ради всего святого, удерживай в руках, это же собственность МагКонтроля!

...и руки, и переговорник. Кто бы сомневался.

– Прости, – виновато вздохнула я. – Я испугалась. Найден успешно игнорировал и мое заявление о разводе, и меня саму больше месяца. С чего бы ему вдруг звонить? Он же не мог не знать, что номер прослушивается!

– Мне больше интересно, откуда он узнал номер, – пробурчал Лют и безжалостно содрал с переговорника крышку. Судя по нахмуренным бровям, жучок тоже пострадал. – Его же сменили только сегодня, – сказал особист и поспешно замолчал.

Но мне вполне хватило имеющихся пятей во лбу, чтобы понять: в отделе все-таки произошла утечка. Причем, вероятно, уже не в первый раз, а значит, среди сотрудников завелась крыса – и неплохо бы переквалифицировать ее в лабораторные.

Впрочем, нет. Если Найден начал нахально звонить на мой новый номер, выходит, «крыса» мешает ему самому, и он нарочно сдает информатора.

Наверное. Следователь из меня...

– Пойдем, – буркнул Лют и кивнул на выход.

В лаборатории он, не говоря ни слова, отобрал у Беляны пакет из-под переговорника, забросил туда пострадавшую трубку и ретировался с такой поспешностью, как будто ночью все-таки спал. Особистка не задала ему ни единого вопроса.

Все они достались мне – и здорово помогли скоротать дорогу до дома и выговориться.

– Роковая женщина, – насмешливо прокомментировала Беляна, выяснив подробности. – Стоило тебе провести ночь с Лютом, как тут же нарисовался Хотен, а следом позвонил муж, которого контрразведка уже отчаялась найти!

Я искоса взглянула на ее безупречный профиль. Это ведь она еще про Радима не вспомнила...

Да, с Лютом ничего не было, Хотену я позвонила сама, а с Найденем безуспешно пыталась развестись. Но народной молве – как и Беляне – рот не заткнешь и нужных ассоциаций не навяжешь.

– Мне чертовски повезло, что я просто известна, а не популярна, – мрачно пробурчала я. – Если уж даже ты обо мне такого мнения, представляю, что сказала бы почтенная публика.

– Перескажи сегодняшние события Дарине – и точно выяснишь, что сказала бы почтенная публика, – безжалостно предложила особистка. – А что скажет особый отдел по поводу угробленного за полчаса переговорника, я тебе и так сообщу, если тебя так уж волнует мнение окружающих. И, должна заметить, с такой зависимостью от чужого мнения в публичные люди пробиваться вообще противопоказано.

Я и не пробивалась. И вообще с удовольствием осталась бы неизвестной.

Но что сделано, то сделано. Мне оставалось только работать с тем, что есть, – только это вовсе не означало, что Найдена я была готова принять с распростертыми объятиями.

«Я так соскучился», видите ли! Настолько, что ни разу за весь месяц не заглянул в реестр браков?!

Похоже, я нервничала так сильно, что мое настроение передалось и Тайке; она поджимала хвост, скулила и вообще отказывалась идти на контакт, так что обязательную вечернюю

прогулку пришлось отменить, попросту выпустив собаку в купол. Вернувшись, она прижалась к моей ноге и наотрез отказалась играть с Беляной. Определенный корыстный интерес в этом, несомненно, был – я как раз разделявала куриную тушку – но сам факт, что Тайку оставил равнодушной зеленый пищащий мячик, ее любовь и страсть, внушал серьезные опасения – не то за ее душевное равновесие, не то за мое.

А пустырьник, как назло, закончился. Я заварила ромашковый чай и уселась напротив Беляны, не без иронии размышляя о том, что именно в тот момент, когда предложения Радима или (черт, к этой мысли еще нужно было привыкнуть) Люта обретали определенную привлекательность, ни того, ни другого поблизости не оказывалось.

Роковая женщина кафельного цвета. Убийца крыс, похитительница сердец.

– Сколько за сегодня? – будто прочитав мои мысли, поинтересовалась Беляна.

– Ни одной, – приободрившись, улыбнулась я. – Все крысы живы. А ту парочку, которая выжила вчера, решили пока не трогать – вдруг и без татуировок справятся? Это означало бы повторение моего феномена, и от их особенностей можно будет отталкиваться.

– А они есть? – хрипло хмыкнула Беляна. – Особенности?

Тут она, конечно, нас уела. Крысы были самые обыкновенные – если бы вдруг потребовалось вывести признаки среднестатистической особи, их можно было просто списать с образца и не париться.

– Должны быть, – уверенно сказала я.

Аналогичные особенности должны быть и у меня, и у Хотена, и у Тайки. Что, интересно, могло быть общего у проектировщицы, ревизора, ездовой собаки и двух лабораторных крыс?

Помимо отсутствия радости от такого сравнения, разумеется.

– Пока что вижу одну: вы с ними одинаковой расцветки, – цинично хмыкнула Беляна. – Белые и красноглазые. Правда, это же можно сказать про остальных крыс, так что на сенсационное открытие не тянет... что такое здесь было ночью, а, Ратиша?

Ну да, конечно. Как я могла рассчитывать, что без этого вопроса обойдется? Не сунуть нос не в свое дело – это не по-особистски...

Ладно. Дело, положим, было все-таки ее, отслеживание контактов входило в договор об освобождении. Но не с Лютом же!

– Коллективная бессонница, – взяв себя в руки, призналась я. Тайка оскорбленно твякнула, но вносить поправки, что бессонницей мучились только мы с Лютом, я не стала: Беляна явно и так думала про нас что-то не то. – Разговоры за жизнь и перемирование косточек. Ничего такого, о чем я не могла бы рассказать своей маме... – я запнулась, сообразив, что вообще-то очень многое не смогла бы рассказать даже маме: о Хотене, Тайке и заданиях особого отдела – так точно. Беляна на заминкуотреагировала исключительно ехидным смешком. – В смысле... черт. Я с ним не спала. Честно.

И, наверное, даже оправдываться не была обязана. Только почему-то хотелось.

– Зря, – флегматично изрекла Беляна.

– Это что, личные рекомендации? – искренне удивилась я. – От дочери заместителя начальника отдела?

– Лют не самоубийца, увы, – рассмеялась особистка. – Я это вообще-то к тому, что тебе не помешало бы как-то разнообразить жизнь. Что ты, кроме работы, видела за последний месяц?

Треснувший экран переговорника. Разнообразие в массы...

– Речь Первой Дамы о чистоте нравов, – благожелательным тоном сообщила я.

Беляне я бы ни за что не призналась, но... это было бы нечестно. По отношению к Люту – в первую очередь. Меня ведь, по большому счету, не волновало даже, он или Радим – просто хотелось, чтобы место моего любовника было прочно занято. Чтобы Найдену было некуда возвращаться. Чтобы мне и в голову не приходило, что я хочу, чтобы он вернулся.

Того Найдена, к которому я так привязалась, в суровой правдивой реальности не существовало. А настоящего я никогда не любила.

Нужно было как-то донести эту светлую мысль до своего подсознания, наполнившегося идиотской женской гордостью из-за простого «я так соскучился». Но прибегать ради правильной расстановки приоритетов к сексу с хорошим другом, рискуя испортить отношения не только с ним, но и со всеми окружающими, отчего-то твердо уверенными, что их касается моя личная жизнь...

Не потому ли Лют буксовал на месте весь месяц, что его одолевали те же сомнения?

– Судя по вчерашней ночи, должного внимания речи ты не уделила, – цинично хмыкнула излишне наблюдательная особистка, но тему, к моему облегчению, свернула.

А сомнения оказались запоздалыми.

Наутро вместо Люта в купол постучался незнакомый мне агент.

Я быстро оценила, насколько комфортно, на самом деле, было с Лютом. Да, он мог язвить часами, постоянно приставал с вопросами – от идиотских до гениальных – ко всем окружающим, не имел никакого представления о границах дозволенного и пугал всех подчиненных до досадных конфузов со штанами. Но в первую очередь Лют был мне другом, и только потом – конвоиром.

Велерад Душанович, словно в противовес, не разговаривал вообще. Все, что я услышала от него за день, сводилось к короткому сообщению в духе: «Я заменяю Люта Андреевича», не объяснявшему ничего, и целым двум «здравствуйте»: одно – мне, одно – Алевтине Станиславовне и Дарине. Вдобавок он не отставал ни на шаг; даже в туалет приходилось чуть ли не отпрашиваться – и то, у меня создалось стойкое впечатление, что под дверью дамской комнаты доблестный особист дежурил с секундомером, чтобы времени хватило ровно на естественные надобности и ни один мой контакт не прошел незамеченным. Вырвавшиеся у меня нервные шуточки на тему перестукиваний в туалетных кабинках агент встретил ничего не выражающей физиономией.

Впервые за весь месяц я ощутила, что и в самом деле ограничена в свободе перемещения и постоянно нахожусь под конвоем.

К тому же спрашивать что-либо о Люте было бесполезно. Беяна провела весь вечер и ночь в моем доме и ничего не знала о внезапных кадровых перестановках, а Велерад Душанович попросту игнорировал мои вопросы – видимо, чтобы не пришлось записывать разговор в обязательный ежедневный отчет.

Надо же было расколотить переговорник!

К счастью, я знала одно надежное средство от душевных терзаний и нервов: работа.

Лаборатория, в которой редко задерживалось больше трех-четырёх крыс, внезапно превратилась в филиал вивария. «Чистая» парочка выжила. Татуированные самцы угробили еще троих девочек, но четвертая держалась стойко и в результате угробила собственно крысака.

На его трупик я поглядывала с едва скрываемым злорадством, пусть и омраченным постоянным присутствием Велерада Душановича за спиной. А вот Алевтина Станиславовна откровенно досадовала: она-то надеялась, что татуировка позволит гарантированно купировать последствия, – а тут такой облом. В итоге было решено украсить чернильными узорами живучую самочку и посадить к ней «чистого» крысака, а еще три клетки выделить под полностью татуированные пары.

Я честно накачала магией отмеченных профессором грызунов, худо-бедно отбилась от Дарины, любопытствующей, куда пропал Лют, и сбежала к Беяне, задаваясь тем же вопросом.

Что-то не верилось, что он пожертвовал своим местом наблюдателя, чтобы избежать невольной неловкости после спонтанного ночного объяснения. Лют и стеснение жили в парал-

лельных вселенных и даже не подозревали о существовании друг друга, да и мой отказ срабатываться с другими сопровождающими особист воспринял с энтузиазмом.

Тогда что случилось? Не получил ли он нагоняй из-за неправильного отношения к объекту? Или произошло кое-что похуже, и контакт с магией все-таки...

– Цыц, – хрипло сказала Беяна вместо приветствия и метко запустила бычком в урну.

Я насупилась. Велерад Душанович молча кивнул коллеге и без единого слова удалился в закат, напоследок бдительно оглядевшись.

– Новый переговорник тебе заказали, но когда его доставят, пока точно не известно, – сообщила Беяна, заматывая нижнюю половину лица в толстый шерстяной шарф. – Номер, вероятно, снова сменяют.

– А Лют... – начала было я, но Беяна отлично знала, как меня заткнуть.

– Решила последовать моему совету и разнообразить жизнь?

Как назло, именно эту реплику и услышал выходявший из исследовательского центра Радим – и тут же остановился на крыльце, подслеповато шурясь: защитные очки с диоптриями во Временном городке добыть было не так-то просто, а обычные основательно морозили виски и переносицу и годились для носки исключительно в отапливаемых помещениях.

Не дожидаясь, пока он прикинет план решительных действий, я быстро попрощалась и припустила в сторону дома. Беяна хоть и посмеивалась, но, кажется, мое поведение всецело одобряла – то ли не хотела оказаться третьей лишней на спонтанном свидании робкого кандидата наук и замкнутой проектировщицы, то ли просто была всеми руками и ногами за Люта.

– Ну, ладно, – пробурчала я, – где Лют, мне знать не положено. А что насчет поисков Найдена?

– Думаешь, это тебе положено? – с наигранным удивлением поинтересовалась Беяна.

Я досадливо поморщилась и отперла купол. Тайка, громогласно радовавшаяся, пока я была с той стороны, внезапно ощерилась, и пришлось поспешно брать себя в руки и успокаивать собаку.

Не получалось, пока я не отвлеклась от собственных переживаний на беспокойство о Тайкином душевном равновесии.

– А насколько все было бы проще, если бы это тебе передавалось ее настроение, а не наоборот? – хмыкнула Беяна.

Я адресовала ей косой взгляд, но промолчала.

Настроения крыс я тоже не чувствовала, но они при виде меня порой вставали на дыбы и распушались втрое против прежнего, издавая какие-то невообразимые звуки. Не по той ли самой причине?

И не потому ли меня не слышала Третья?

Лют не появился ни на следующий день, ни через день. Беяна шикала на меня при каждом удобном случае, Велерад Душанович же вообще счел, что вчера сказал слишком много, и на все дни ограничивался двумя «здравствуйте».

К вечеру четвертого дня выжившие крысы бросались в драку, стоило мне появиться в лаборатории. Их поведение привело Алевтину Станиславовну в исследовательский экстаз (как и то, что в живых оставалось целых семь крыс), но меня все равно предпочли сначала выгнать на кухню, чтобы чистоту эксперимента не нарушал стресс у подопытных. Когда выяснилось, что от безделья и постоянного давящего присутствия особиста я начинаю фонить на половину этажа, профессор предпочла вовсе отправить меня домой, предварив это действие обязательной лекцией о хрупкой крысиной физиологии и напроочь пренебрегая хрупкостью физиологии человеческой.

– Выпишу тебе выходной в конце следующей недели, – постановила Чечевичкина в завершение лекции.

У меня в голове все еще витали раздувшиеся крысиные напочечники, угнетенный иммунитет и кровавые язвочки (правда, почему-то на Люте), и я только машинально кивнула. Какая разница, где сидеть без дела, да еще под постоянным надзором? С тем же успехом меня можно было все-таки засадить за решетку или оставить в заботливых загребущих руках Найдена в Альго-Сай-Таре!..

На этой предательской мысли я дернулась всем телом и поспешно вымелась домой. Вовремя спохватившись, выбрала круглой путь к вящему недовольству замерзшей Беяны, зато к куполу пришла с относительно прояснившимися мозгами, и Тайка впервые за последние дни встретила нас радостным лаем и приглашением к игре. А когда я предсказуемо отреагировала на это умиленным весельем, собака и вовсе пришла в восторг.

Но мирно поиграть нам, похоже, было не суждено.

В домике меня подстерегал маслянистый запах продвинутого пайка с комбината быстрого питания и Хотен, которого Тайка, по обыкновению, демонстративно игнорировала. Мне, увы, такие вольности вряд ли были позволены.

– Подержать вам свечку? – любезно предложила Беяна, когда мы зашли на кухню, и я застыла, как суслик на дозоре, встретившись взглядом с Хотеном.

Ревизор выглядел, пожалуй, лучше. Он загорел и как будто еще сильнее раздался в плечах – впрочем, неудивительно; когда Хотен выходил из себя, то успокаиваться предпочитал где-нибудь на спортивной площадке. А за последний месяц у него хватало и переживаний по поводу разрушенной личной жизни, и стрессов на работе после неожиданного повышения. Но, по крайней мере, излишне фамильярных в общении товарищей господин ревизор второго чина по-прежнему мог окоротить одним только выразительным взглядом.

Беяна осеклась, но извиняться и испаряться не спешила: на то, чтобы она пренебрегла своим заданием, ни авторитета, ни внушительности Хотена не хватило.

– Я ненадолго, – коротко сообщил ревизор, снова переведя взгляд на меня. – К утру я должен вернуться в Горницу. Показывай записную книжку.

Невольно порадовавшись предусмотрительности Люта, заставившего меня обернуть в черную обложку обычный рабочий блокнот, я предъявила ревизору страницу с целым сочинением. Судя по нахмурившимся бровям, почерк своего бывшего подчиненного Хотен узнал сразу – а потому внимательно прочел все написанное.

И отнюдь не обрадовался.

– Да, это моя запасная, – мрачно сообщил ревизор, засунул блокнот за пазуху и с таким видом откусил от полоски вяленого мяса, будто оно принадлежало его злейшему врагу, но все-таки выдал: – Спасибо.

– Не за что, – я пожала плечами и пошатнулась: уловившая перемену моего настроения Тайка прижалась к ногам. – Какие планы на вечер? Мне бы эту морду выгулять... – я выразительно кивнула вниз, и собака с виноватым видом вильнула хвостом.

Хотен адресовал мне скептический взгляд, без слов интересуясь, точно ли я рассчитываю мирно провести вечер со своим бывшим парнем после того, как «заразила» его магией. Я неуверенно пожала плечами: атмосфера и без того была напряженной, но когда еще у ревизора будет возможность прогуляться до бывшей магистрали?

– Ужинать не будешь? – спросил Хотен, кивнув в сторону двух нераспакованных пайков на столе.

Я потянула носом и решительно отказалась, но все равно была вынуждена дисциплинированно ждать, пока ревизор с особисткой поедят, и нервничать из-за того, что будет на магистрали. Если Хотен тоже услышит драконессу, как он отреагирует? Не то чтобы я опасалась, что суровый ревизор расплачется, как я, но...

К счастью, прежде, чем Тайка начала нарезать круги по кухне и яростно выкусывать шерсть с лап, в куполе раздался звонок, отвлекая меня от переживаний.

– Ждешь еще кого-то? – все-таки подколола меня Беяна.

Я доходчиво продемонстрировала ей известную комбинацию из пальцев, порекомендовав прогуляться по популярному маршруту. Тут же заработала от ничуть не пристыженной особистки совет не пытаться гулять по двум популярным маршрутам одновременно без соответствующей подготовки и поспешно пошла открывать, пока число сегодняшних лекций не пополнило обязательное наставление от Хотена, касающееся, в основном, чистоты языка и тем для разговоров, допустимых для юных дам.

Радостно улыбающееся лицо за дверцей купола не стало еще одним поводом для нотации только потому, что ревизор не слышал, что я сказала.

– Где ты пропал?! – возмутилась я, когда, наконец, смогла сформулировать свои мысли, не прибегая к ненормативной лексике.

– Скучала? – еще шире улыбнулся Лют, без лишних вопросов щелкая замком.

Вовремя: в следующее мгновение баллистически настроенная Тайка впечатала его спиной в дверцу купола и громогласно затребовала свою порцию внимания и ласки. Я поймала себя на том, что меня тянет присоединиться, но героически сдержалась.

– Господин начальник приехал? – поинтересовался Лют, с умиленным видом начесывая блаженствующую Тайку за ушами.

– Что, у меня все-таки еще один выходной? – спросила Беяна, прислонившаяся к стене домика и улыбающаяся так похабно, что мне даже не верилось, что на этом ангельском личике может задержаться подобное выражение.

Могло. Увы.

– Завидуешь? – невозмутимо уточнил особист.

– Вы никогда не обращали внимания, что способны общаться одними вопросами, ни разу не дав нормальный ответ? – не выдержала я.

– А ты, к слову, неплохо вписываешься в разговор, – заметил Хотен, выходя из дома с мусорным пакетом.

Я смутилась, а Беяна издевательски расхохоталась:

– С кем поведешься... ладно. До завтра, я так понимаю? Сдюжишь две смены подряд, Лют?

Особист кивнул ей, сразу же повернулся ко мне и изрек:

– Нет. Никаких вопросов о том, что случилось, ясно?

Беяна фыркнула и проскользнула мимо меня к выходу из купола, помахав напоследок рукой. Хотен проводил ее недоумевающим взглядом.

– Что, серьезно? Ты имеешь право вот так просто менять расписание ее сопровождающих? – спросил он и потянулся за своей паркой.

Я замерла на пороге домика, куда поднялась за комбинезоном для Тайки, и обернулась. И правда, за этим ведь должны следить едва ли не внимательнее, чем за мной самой!

– Иди-иди, – подбодрил меня Лют и сиятельно улыбнулся.

Я продемонстрировала известный жест и ему и честно ушла в домик.

К моему возвращению Тайка все-таки лежала у стены купола и сосредоточенно лизала одну и ту же лапу. Я продемонстрировала доблестным работникам Особого корпуса еще и кулак – ладно меня доводить, но собаку-то за что? – и кое-как нацепила на нее кроссовки. С комбинезоном возникло затруднение: вставать Тайка отказывалась, а поднять ее у меня не хватало сил.

– Ты уверена, что ее в таком состоянии стоит выводить из дома? – уточнил Лют.

– Я вообще не знаю, что с ней делать, – мрачно известила я его. – Приступы агрессии, беготня или, наоборот, апатия и плохой аппетит – это реакция на стресс. Но это не ее стресс!

– Хочешь сказать, что весь прошедший месяц ты стресса не испытывала? – удивился особист.

Я раздраженно отмахнулась. Испытывала, конечно. Но не такой, как последние дни, когда не знала, куда он пропал и все ли с ним в порядке или моя магия его угробила.

Главное, скажи ему сейчас об этом – так только заулыбается! А о том, что я устроилась работать в исследовательский центр в первую очередь ради того, чтобы быть в курсе происходящего, иметь право голоса и возможность хоть как-то влиять на события, и не вспомнит.

– Пустырник и настойка пиона – отличное решение проблемы. А еще лучше – просто держать себя в руках, к этому можешь приступить прямо сейчас, а то мне и так до Горницы всю ночь гнать, – проворчал Хотен и без лишних церемоний поднял Тайку.

Попытался поднять.

В тот момент, когда он перехватил собаку поперек туловища и случайно задел мою руку, которой я машинально перебирала шерсть на ее боку, драконья тоска обрушилась на нас с такой силой, будто мы уже стояли на магистрали и пытались достучаться до Третьей. А стоило ревизору отшатнуться – как все пропало, будто и не было ничего.

Тайка спрятала морду у меня на коленях и жалобно заскулила, и я, поспешно вытерев тыльной стороной ладони выступившие слезы, затормошила ее, шепотом рассказывая, какая она умница и красавица.

Судя по подавленной физиономии Хотена, он тоже не отказался бы от аналогичной терапии.

Глава 5. Get ducks in a row

*(англ.) навести порядок, разобраться в делах

– Белян, ты далеко ушла? – спросил Лют и поспешно отодвинул переговорник от уха. Вовремя: трубка разразилась возмущенным хрипом. Особист дождался, пока градус экспрессии несколько поубавится, и опрометчиво спросил: – Можешь вернуться?

Я не выдержала и отобрала у него все еще ругающийся голосом Беяны переговорник.

– Не погуляешь с Тайкой? Недолго.

Кажется, именно с этого и следовало начинать. Возвращаться особистке, естественно, не хотелось – но одна рыжая морда всегда служила отличным аргументом.

Повторять эксперимент в присутствии Тайки я отказалась наотрез, хоть Лют и настаивал на том, что, возможно, именно собака усилила «сигнал». Хотен неожиданно поддержал меня, и особисту пришлось звонить напарнице.

Беяна вернулась только через четверть часа, когда в очередной раз выяснилось, что поговорить, кроме как о работе, нам не о чем – причем большую часть всем троицам рассказывать запрещено. Лют, впрочем, все равно пытался что-нибудь вызнать у огрызающегося ревизора, так что неловкое молчание нам не грозило, но появление особистки я все равно восприняла с нескрываемым облегчением.

А потом она открыла рот.

– Что, не справляешься в одиночку с двумя?

Судя по тому, как дружно она и Лют прыснули, выражение лица у нас с Хотеном сделалось совершенно одинаковым.

– Как раз собиралась попробовать, и лишние свидетели нам не нужны, – справившись с собственной физиономией, известила я Беяну и вручила ей поводок. Особистка фыркнула, но тактично вымелась из купола, уводя за собой приободрившуюся Тайку.

Если бы она не попыталась уточнить, когда ей можно будет вернуться, чтобы застать что-нибудь излишне шокирующее, цены бы ей не было.

– А известно ли тебе, что такое нормальное чувство юмора, когда после шутки смешно всем, а не только пошутившему? – поинтересовался у меня Хотен, закрыв за Беяной дверцу.

– Я что-то слышал, но никогда не пробовал на практике, – отозвался вместо меня Лют, окончательно потерявший страх перед бывшим начальством. – Так что, попробуете еще раз услышать дракона отсюда?

– Идем в дом, – предложила я. – Заодно и Беяна с Тайкой подальше отойдут. Не хочу, чтобы собаке досталось просто из-за того, что она недостаточно резво перебирала лапами.

Давая гуленам побольше времени, я поставила чайник и отыскала на полке остатки сушеной ромашки. Хотен за моими действиями наблюдал со смешанным чувством; Лют, по обыкновению, немедленно спросил:

– Что, это настолько плохо?

Мы дружно покосились на него исподлобья, но особист предсказуемо не смутился.

– Ну, вдруг восприимчивость зависит от количества объединившегося народа? – предположил он. – Мы же все равно точно не знаем. Я бы попробовал присоединиться, если и без Тайки все пройдет успешно, поэтому и интересуюсь, насколько хреново мне после этого будет?

– А мы все равно точно не знаем, – мрачно передразнил его Хотен и протянул мне руку. – Давай. Перед смертью не надышишься.

Я выдохнула и вложила пальцы в его ладонь. И только потом подумала, что сначала нужно было обговорить, с каким посылом мы попытаемся достучаться до драконессы. Но, как и любая светлая мысль, эта тоже запоздала.

...А Третья досадовала, будто у нее над ухом звенел назойливый комариный писк. Мерзкий, тонкий, бессвязный звук – даже оказись это безобидный самец, который и в страшном сне не помышлял о крови, желание он вызывал весьма однозначное.

Прихлопнуть и заткнуть.

Обезопасить своих мужчин от писклявой мелочи, способной принести им смерть – своим невежеством, своей массой, своей самовлюбленностью и недалекостью. Люди убили Первую во сне, беззащитную, но теперь драконы не спали и могли обороняться и мстить.

Третью останавливало одно: попробуй она сейчас подняться, ослабшая после долгой спячки и смены пола, и жара ее погубит...

Хотен отнял руку первым и, позабыв обо всяких манерах, вылебал полную чашку ромашкового настоя – даром что тот даже остыть не успел. Лют переводил любопытный взгляд с ревизора на меня, ожидая комментариев, но начал все равно первым:

– Ну, дело, похоже, конкретно в вас двоих. Я вас обоих за запястья сгреб, но ничего не услышал, а вы, похоже, даже не заметили. Третья вас услышала?

– Услышала, – невесело отозвался Хотен и налил себе еще настоя. – Мечтает нас раздавить, как букашек, но опасается свариться живьем, выбравшись из цисты. Учитывая ее подход к вопросу, разумнее начать немедленную откачку магии из всех цист на территории Союза.

Я едва не потеряла дар речи, но печальный опыт общения на съездах и научных конференциях помог сформулировать главный вопрос до того, как начался традиционный подсчет издержек и организационные моменты.

– Первую мы убивали всем Союзом на протяжении двухсот лет. Ты точно уверен, что сможешь провернуть аналогичный номер с четырьмя драконами до того, как они раскатаются и решат, что умирать без боя – недостойно?

Хотен наградил меня усталым взглядом руководителя, чье дело – поставить задачи, а остальное – проблемы подчиненных. Я насупилась и подобралась – как подчиненная, регулярно сталкивающаяся с подобным стилем руководства.

Конец нашему безмолвному спору положил Лют, флегматично заметивший:

– МагКонтроль рассматривал вариант с ликвидацией драконов и счел, что геноцидом должны заниматься коварные враги, а никак не слуги народа. Ну, и времени у нас, если на то пошло, только до зимы, пока не станет достаточно холодно. А пустить в эксплуатацию откачивающую станцию – даже по типовому проекту – порядка полугода работы, плюс, опять-таки, до четырех месторождений у нас уровень потребления не дошел, и для излишков магии нужны места складирования. Мы просто не успеем убить драконов.

– Не успеем, – подумав, признал Хотен. – Если будем строить станции подключения, склады и Временные городки – точно не успеем. Но Ратиша, помнится, рассказывала, что Найден сумел забрать у нее магию простым прикосновением. Думаешь, с драконом номер не пройдет?

– Нет, – отозвалась я, потихоньку зверея от традиционного повторения всех вопросов, так или иначе всплывающих на конференциях. – Даже если опустить тот момент, что я могу принять только ограниченное количество магии, то для передачи мне нужно прикосновение кожа к коже. А как ты докопаешься до дракона, если температура цисты...

Лекцию я могла продолжать долго. Хрупкость металлов при сверхнизких температурах драконьих цист – давнишняя проблема, так и не решенная; многие магологи, строя теории и яростно доказывая пользу своих изобретений, забывали о практической стороне вопроса, и эта повторяющаяся недоработка раздражала хуже комариного писка.

К счастью, среди нас еще оставался один здравомыслящий человек, попросту зажавший мне рот ладонью. Я немедленно потеряла мысль и нахмурилась: рука оказалась ледяной, со светло-фиолетовыми от застоявшейся крови ногтями. Как еще не отнималась только?

– Тиша хочет сказать, – невозмутимо изрек Лют, не отнимая ладони, – что вариант с переговорами на данный момент представляется наиболее приемлемым.

Хотен хмуро посмотрел на его руку, но сдержался. Особист убрал ладонь сам, убедившись, что я не собираюсь бросаться на каждого, кто рискнет задать глупый вопрос.

Ладно. Не такой уж глупый. Но наболевший.

– Третья не понимает, с какой целью мы пытаемся достучаться, – сформулировал, наконец, проблему ревизор. – Считает нас слишком незначительными, чтобы прислушиваться. Я доложу начальству и подам прошение, чтобы меня временно причислили к исследовательскому центру.

– Ты уверен? – уточнила я. – Пока о тебе не знают наверху...

Ревизор усмехнулся и скрестил руки на груди. Выглядело, как всегда, внушительно.

– До зимы меньше пяти месяцев. Я бы, может быть, и сделал вид, что не имею никакого отношения к этой истории с магией, но, если исследовательский центр не покажет результаты в ближайшее время, плохо будет всем. Проводить ревизии ледяной пустыни – удовольствие ниже среднего. Да и отдел по особым поручениям, насколько я понимаю, уже начал рыть носом в моем направлении, так что в моих интересах прийти тогда, когда я еще могу ставить условия.

Я обескураженно кивнула, признавая его правоту. Ревизор допил ромашковый настой, сердито тряхнул головой и поднялся на ноги.

– Мне нужно ехать обратно. Заявление о переводе полагается подавать лично.

Оставив Люта подбрасывать дрова в буржуйку, я проводила Хотена до дверцы купола, где и попыталась неловко извиниться за произошедшее. Но слушать меня никто не стал; ревизор, может быть, и злился, но понимал, что ни о каком заражении магией я на тот момент и помыслить не могла. Как и он сам.

Мне оставалось только вернуться в домик и, наконец, задать вопрос, занимавший меня с самого начала вечера:

– Что ты с собой сделал?

Лют сидел совсем близко к буржуйке, где всюду полыхало; воздух над печкой разогрелся до такой степени, что колыхал развешенные над ней полотенца. От моего вопроса особист на мгновение замер – а когда повернулся ко мне, то на его лице отражалось только искреннее удивление.

Я не стала дожидаться продолжения концерта.

– Ты пропал на несколько дней, сидишь в натопленном доме, не снимая парку, и у тебя ледяные руки. Надеюсь, ты не оставил где-нибудь шпильку?

Вместо ответа Лют задрал свитер, продемонстрировав торчащее из-за ремня деревянное облачко, и подначивающе улыбнулся.

– А просто замерзнуть я не мог, по-твоему? На улице минус сорок три, между прочим!

Я смерила выразительным взглядом расстояние от его коленей до раскаленной буржуйки. Не то чтобы я могла похвастаться идеальным глазомером, но больше полуметра там точно не было.

– Что ты с собой сделал? – повторила я.

Особист устало вздохнул и, вытащив из рукава парки правую руку, оттянул вниз горловину форменного свитера.

Сначала я даже не поняла, в чем дело. Показалось, будто черные нити форменной одежды зацепились за что-то, вызвав неслабое раздражение на коже. Потом, когда Лют оттянул свитер сильнее, я наконец рассмотрела оскаленную морду и когтистые лапы, аккуратно прикрытые прозрачной заживляющей пленкой.

На плечо особиста карабкался чернильный дракон – похожий на тех, что изображали на иллюстрациях к эльфийским легендам.

– Надо же, у тебя все-таки есть зубы! – удивленно сообщила мне Беляна.

От нее сильно пахло табаком и слабо – морозом, от Тайки – наоборот, и я, сморщив нос, вытряхнула собаку из комбинезона, никак не комментируя заявление особистки.

Положим, о том, что без разговоров выставила Люта вон, я уже жалела: по-хорошему, следовало сначала дождаться возвращения Беляны, а уж потом выгонять и без того замерзшего человека на мороз. Но мысль о милосердии пришла только с четверть часа спустя, когда особистка возвращалась с прогулки, а ее сменщик докуривал вторую сигарету, и звать его обратно не позволяла гордость.

Да он и не настаивал.

– Ты же понимаешь, что утром он все равно вернется? – поинтересовалась Беляна, снимая форменную парку.

– Понимаю, – вздохнула я. – Но к утру я как раз остыну и буду готова его выслушать.

Тайка издала какой-то странный тонкий звук и лизнула меня в нос, с виноватым видом вильнув хвостом. Я фыркнула, привычно вытерла облизанное о плечо и принялась снимать с нее кроссовки.

Беляна понаблюдала за этой идиллией – а потом все-таки открыла рот.

– «Готова выслушать»? Ты считаешь, что взрослый, самостоятельный мужик, на минутку, агент отдела МагКонтроля по особым поручениям, должен оправдываться перед тобой за то, что сделал себе татуировку? Ты ему кто?

Она дернулась назад, когда Тайка вдруг обернулась и наглядно, с соответствующим звуковым сопровождением, продемонстрировала, что у хозяйки, конечно, зубы есть, но собачьи клыки – все равно куда внушительнее. Я поспешно схватила ее за ошейник и глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки.

– Ты права, – помедлив, с усилием признала я. – Прости. – И спрятала нос в теплой собачьей шерсти на загравке.

Указывать Люту, что делать, а что нет, вправе только МагКонтроль. Уж никак не охраняемый объект.

А с ассоциативным рядом объекту нужно что-то делать. С чего вдруг я вообще вспомнила о моторе и чернильных венах на дне кровавой раны на груди?

Найден и Лют совсем не похожи. Найденыш чем-то неуловимо напоминал матерую, потрепанную жизнью рысь – сильными ногами, быстротой реакции и осознанием собственного превосходства, свойственным крупным хищникам. Лют ассоциировался скорее с кунницей: юркий, худой, игривый – но вполне способный при необходимости переломить своей добыче шею.

Ему бы и в голову не пришло делать татуировку, чтобы больше походить на Найдена. С чего я вообще об этом подумала, когда выгоняла его из дома?..

– Перед Лютом извинись, – словно прочитав мои мысли, со свойственной ей безжалостной прямоотой отозвалась Беляна. – А лично я готова простить тебя, не сходя с места, за горячий ужин.

Я подняла голову, соображая, в чем успела провиниться перед ней – и покраснела.

Выходной. Я испортила ей выходной.

– Пойдем, – неловко сказала я, кивнув в сторону домика. – И... дай свой переговорник, пожалуйста.

Тайка сочла, что уж первая-то половина фразы точно относилась к ней, и радостно припустила в дом, приготовившись требовать ужин. Мое смущение ее будто бы и не задевало вовсе – может быть, потому, что сама она всегда становилась совершенно бесстыжей, когда дело доходило до еды?

Беляна, во всяком случае, была с ней солидарна.

– Утром извинишься, – сказала она. – Звонки с моего переговорника только прослушиваются, а с твоего должны записываться. Поваришься ночку в собственном соку, глядишь, извиняться будешь искренней.

Я показала ей неприличный жест, особистка с готовностью ответила тем же – и пошла доставать кастрюлю из шкафа. Разумеется, чтобы жизнь не казалась мне сахаром, рта она не закрывала.

– Вообще говоря, будь мы где-нибудь в цивилизованном городе, я бы посоветовала тебе обратиться к психологу, пока не понадобился психиатр, – сообщила Беяна, звучно громыхнув крышкой. Я поспешно подхватила ее добычу, заодно повелительно указав на глубокую миску по соседству. – Ты постоянно не в настроении, срываешься даже на собственном сопровождающем, довела до истерики собственную собаку...

Я адресовала ей косой взгляд, намекая, что тут мне здорово помогли, но промолчала.

Хотел не раз говорил мне, что к жизни нужно относиться проще. Но у меня получалось еще хуже, чем у него самого.

– Но поскольку мы во Временном городке и в лучшем случае выберемся отсюда через полгода (а в худшем не успеем выбраться вообще), то мой тебе совет: заведи любовника, – невозмутимо закончила Беяна и вручила мне запрошенную миску.

– Это ты что, опять сватаешь мне Люта? – подозрительно уточнила я.

– Этот и сам себя сосватает без проблем, – фыркнула Беяна. – Нет, без разницы, кого. Я же не о спутнике жизни, а всего лишь о любовнике. Тут требований-то поменьше, и найти подходящую кандидатуру вполне реально даже в этой дыре. Впрочем, если сможешь найти себе какое-нибудь занятие для необременительного досуга, тоже сойдет.

Я вылезла из холодильного ящика с четырьмя яйцами и выразительно покрутила руками.

– Необременительного, – назидательно повторила особистка. – Прости, но даже я вижу, как тебя корчит от необходимости ежедневно готовить.

– Тогда зачем заставляешь? – поинтересовалась я.

– Исключительно из любви к твоим страданиям, – заверила меня Беяна, и я с трудом сдержалась, чтобы не запустить в нее парой яиц. Но она, естественно, ничуть не смутилась. – А насчет любовника или досуга – я серьезно. Не хотелось бы сопровождать тебя в специализированном заведении. Не то чтобы компания там сильно отличается, но кормят значительно хуже. Я не готова к таким лишениям.

– Ты знаешь, как вернуть мне веру в себя, – мрачно похвалила я.

– Разумеется, знаю, – непробиваемо отозвалась особистка. – Любовники в этом деле – первостепенное средство. Но там, к примеру, рисование или лепка тоже подойдут, если, конечно, у тебя руки из нужного места.

Судя по сочувственной физиономии, в мой поразительный художественный талант она верила еще меньше, чем я сама.

– В общем, мне без разницы, как, но отвлекись ты уже от работы, – поняв, что ее неверие не осталось незамеченным, раздосадовано потребовала Беяна. – Все равно вы топчетесь на месте, почему бы не расслабиться, а потом взглянуть на проблему свежим взглядом?

Что хуже всего, она была права – в своем бестактно-безжалостном стиле, но права. Десятичасовой рабочий день – отнюдь не залог успеха, как и семидневная рабочая неделя. После определенного момента, на грани выносливости человеческой психики, они дружно становятся синонимами скорого провала.

Но представить в своей жизни любовника...

Я поймала себя на том, что уныло посматриваю на свое искаженное отражение в крышке кастрюли, и вдумчиво показала ему язык.

Краше оно не стало.

Наутро его украсили вместительные мешки под глазами: Беяна как в воду глядела, когда говорила, что ночью я буду вариться в собственном соку вместо того, чтобы спать. Задремать я сумела, только когда Тайка сочла необходимым нахально запрыгнуть на кровать и устроиться в ногах, старательно делая невинную морду и нацелив на меня острое рыжее ухо – а ну как хозяйка все-таки вспомнит про запрет и сгонит?

Хозяйка в очередной раз проявила дюжую безалаберность в вопросах дрессировки и оставила собаку спать на кровати. Поэтому мешки под глазами удачно дополнялись рыжей шерстью, налипшей на домашнюю футболку. На фоне Беяны, выпавшейся и свежей, как майский ландыш, я смотрелась особенно колоритно.

Разумеется, по закону подлости в такое чудесное утро Лют не мог не прийти пораньше.

Тайку его появление привычно привело в восторг, и она немедленно затребовала внимания и ласки, едва не сшибив его с высоты купола в сугроб. Лют, что характерно, даже не стал пытаться поймать животину и устоять на ногах, а сразу отскочил вбок – и возжаждавшая особистского тела собака в пресловутый сугроб воткнулась в гордом одиночестве. Снег Тайку обрадовал не меньше (в нем можно было с шумом рыться), но я все равно зазвала ее обратно в купол – поутру красный столбик в термометре обнаружился ниже собственно шкалы, начинающейся с красочной отметки в минус пятьдесят. Что-то подсказывало, что в такую холодрыгу золотое правило в духе «никто не подозревает человека с собакой» даст сбой, даже если собака будет стильной.

Беяна, выглянувшая в купол следом за мной, вся съезжилась и покрылась гусиной кожей. Закутанный до шарообразного состояния Лют поглядывал на нее с сочувственным пониманием и дверцу купола закрыл сразу же, как только Тайка смирилась с неизбежным и поднялась наверх.

– Можно, я у тебя останусь? – жалобно простонала Беяна, поспешно ныряя обратно в дом. – Вы же все равно скоро уйдете, третьей лишней я не буду...

– Оставайся, – легко согласилась я: после вечерней вспышки выгонять людей на мороз (тем более такой!) меня уже что-то не тянуло.

Найден здесь бы непременно вставил что-нибудь про то, что еще одна девушка никогда не бывает лишней. Лют, к моей радости, шутить на подобные темы не собирался, да и вообще держался несколько настороженно – будто ждал, что я снова сорвусь. Заговорить со мной он рискнул, только когда Беяна, обрадованная разрешением переждать утренний морозец, привычно выкрутила до упора регулятор температуры на водонагревателе и прочно оккупировала ванную комнату.

– Все еще сердишься?

– Нет, – призналась я, чувствуя себя так, будто одним вопросом из меня вышибли весь воздух. – Наоборот, хотела извиниться. Вчера я...

– Забыла, что мне есть восемнадцать, – подсказал Лют, видя, что я не могу подыскать слова. – И что я могу исполнять приказ.

Снимать парку он не торопился, и я, проглотив неуместное любопытство (как выглядела татуировка целиком, я еще не видела), отправила особиста в кресло возле буржуйки, наградив за послушание большой кружкой чая. Тайка немедленно уселась у подлокотника, быстро убедилась, что ничего вкусного здесь не дают, но уходить не стала.

– А ты исполняешь приказ? – осторожно спросила я, когда Лют растекся по креслу, блаженно шурясь на огненные отсветы на полу.

– Не официальный, но исполняю, – признался разомлевший особист – и тут же подобрался, выдав привычное: – Только не требуй подробностей. Тебе это ничем не грозит. Честно.

– Что, твой излишне догадливый начальник решил, что нечего тянуть резину с крысами и пора татуировать людей? – все-таки поинтересовалась я.

Лют прищурился, почти сомкнув ресницы, и укоризненно покачал головой.

– Женщина, тебе известно, что любопытство сделало с несчастной кошкой? Или все твои познания в области притч ограничиваются скучающими драконами?

– Еще есть пара историй о драконах гневающихся и одна – про влюбленного, – признав поражение, вздохнула я. – Ты... не боишься?

Особист неосознанно потянулся к правому плечу, но отдернул руку.

– Как тебе сказать... у вас в лаборатории почти все крысы с татуировками до сих пор живы, так?

Я кивнула. Татуировщик уже посматривал на профессора, как на маньячку, но дисциплинированно орудовал машинкой, пополняя ряды продвинутых крыс. Те щеголяли обритыми боками, линяли, норовили расчесать свежие рисунки и слизать сукровицу, но после случая с крысаком, которому так и не сдалась стойкая «чистая» девочка, из всех подопытных погибла одна – и та убитая не магией, а невзлюбившим ее соседом по клетке. Аналогичную проблему у остальных крыс легко решило раздельное проживание – вместе сселяли только тех, у кого татуировка уже поджила. Все пары из «продвинутых» крыс оставались живы.

– Скорее всего, через неделю-другую центру спустят разрешение набирать добровольцев из числа людей, – сделал вывод Лют. – А значит, первые маги – если все-таки все получится – будут из числа гражданских, как и ты. МагКонтроль такое положение вещей категорически не устраивает. Наверху хотят магов на пожизненном договоре.

Я нахмурилась.

– Мне тоже предложат?..

– Нескоро, – не стал ничего отрицать особист. – Пока ты под наблюдением спецслужб, такой необходимости нет. Но как только феномен магов удастся воспроизвести, тебе предложат перевестись на постоянную службу. И нет, – безжалостно добавил он, не дожидаясь следующего вопроса, – отказать не получится. Вряд ли у нас сразу появится целая армия магов, чтобы каждый человек не был на счету. Я бы на твоём месте вообще сработал на опережение и подал докладную с просьбой о назначении в тот отдел МагКонтроля, в который хочется, пока еще есть возможность выбирать.

– Я в принципе не хочу в МагКонтроль, – тоскливо призналась я.

– У нас есть проектный отдел, – хмыкнул Лют. – О, все, узнаю этот блеск в глазах. Кажется, месяца с полтора его не видел... нет, ну а как ты думала? Не может же организация с таким уровнем секретности отдавать на сторону проекты своих зданий и сооружений!

– А курсы переквалификации у вас есть? – с надеждой спросила я, сама не заметив, как подалась вперед, напрочь забыв про свой чай.

– Только внутреннее обучение в духе «там молчи, здесь молчи, а тут – распишись», – честно признался Лют и все-таки выпутался из парки, но далеко убирать ее не стал. – Но ты всегда можешь обговорить этот момент в докладной. Обучение можно пройти и на стороне, лишь бы после него ты зачислилась в штат и не могла никуда деться.

Я снова кивнула и задумалась, перебирая в уме ближайшие учебные заведения.

– Только не хмурься опять, – взмолился Лют. – Хочешь, я тебе завтра же принесу образец оформления докладной?

– Хочу, – призналась я и улыбнулась. – И еще кое-что...

– М? – отчего-то напрягся особист.

– Покажи татуировку, – попросила я, и Тайка вдруг насторожила уши и дробно застучала хвостом об пол, с любопытством наклонив голову.

Лют перевел взгляд на нее и рассмеялся.

– Отличный из нее индикатор эмоций вышел, а? – беззлобно фыркнул он.

Я некстати вспомнила, как Тайка радовалась каждый раз, когда Лют приходил, и заметно покраснела. Это же была ее радость, или?..

А потом особист стянул через голову свитер и майку, и все конструктивные мысли из моей непутевой головы вымело начисто.

Дракон был огромный. Под заживляющей пленкой черное тело до ужаса реалистично переливалось, наполнялось объемом и плотностью: вцепившиеся в плечо когти, озлобленный взгляд, направленный на зрителя; любовно проработанная чешуя на туловище оживала от каждого движения, разъяренно вилял оплетающий предплечье шипастый хвост, взмахивали кожистые крылья, и казалось, что дракон вот-вот прыгнет, раскроет пасть и вцепится в горло...

Черт, это, должно быть, было *очень больно*.

– Поэтому тебе понадобились выходные?..

– Ты разбиваешь мне сердце, – насмешливо протянул особист. – Где восторженные возгласы? Где восхищение такой красотой?

Я сморгнула.

«Красотой» это еще только обещало стать. Даже под пленкой виднелось воспаление и облезлая местами кожа, а ногти на руке все никак не приходили в норму – так и оставались светло-сиреневыми от холода.

Но я не могла не признать, что дракон на Люте смотрелся удивительно гармонично. Сухое, жилистое и поджарое тело – на таком же жилистом и поджаром. Сходство было необъяснимым, свойственным разве что душевному родству – как с тотемным зверем.

И что я там думала про куницу?..

– Представь, что я лежу на спине и подергиваю лапками от восторга, – предложила я, несколько испугавшись своего хода мыслей.

Тайка не замедлила продемонстрировать для пущей наглядности, свалившись пузом кверху Люту под ноги и затребовав почесываний, и особист, не выдержав, расхохотался. От смеха изображение словно пошло рябью, и создалось впечатление, что дракон вдобавок готовится от души дохнуть магией на любого зазевавшегося.

Подчиненных, должно быть, «обновка» пугала вообще до нервных обмороков, но об этом я предпочла промолчать.

Глава 6. Lose one's train of thought

*(англ.) потерять ход мыслей

С одним Лют промахнулся: разрешение (если не сказать требование) на набор добровольцев пришло в тот же день, и Алевтина Станиславовна капала ядом. Логично: ответственность за подопытных предстояло нести ей, и устной договоренностью, как в случае с особистом, никто бы не отделался.

В общем-то, все понимали, почему МагКонтроль так торопится. Общение с Альго-Сай-Таром вышло на ту стадию, где послов вежливо просят покинуть страну, и эльфийский князь даже хвостом не дернул – как будто совершенно не боялся открытого конфликта. У них было несколько тонн твердой магии и технология воспитания магов, а у нас – крысиное кладбище и ошалевший татуировщик.

И четыре дракона, которые в любой момент могли попросить нас покинуть страну. В крайне невежливой форме.

Но это никак не влияло на правовую сторону исследования.

– Я же обязана разъяснить добровольцам, что с ними будут делать! Рассказать, чем они рискуют, что могут приобрести! Как вообще в МагКонтроле представляют себе поиск добровольцев в условиях, когда я сама не знаю точно, что с ними случится! – горячилась Алевтина Станиславовна. – Кто согласится идти? Психушку с суицидниками перетряхнуть, что ли?

Дарина сидела за голографом, терпеливо пережидая ее вспышку и готовясь писать под диктовку: программа исследования тоже отсутствовала. Я же могла только посочувствовать. И крыс покормить – а это дело недолгое.

Подопытные демонстрировали нормальный энтузиазм и аппетит – даже та парочка, которую выставили за окно. Практика показывала, что в индивидуальной изотермической камере крысы мерзнут, а вот на улице – нет, и этот факт в свое время так заинтересовал исследовательский центр, что меня даже выгнали без шубы на крыльцо.

Я чувствовала себя нормально ровно до тех пор, пока следом за мной не выскочил сопровождающий, укутанный до состояния капусты и все равно дрожащий от всепроникающего холода. Мой дискомфорт носил, скорее, характер стадного инстинкта, а вот крысам никто не мог внушить, что без парки на подоконник лучше не высовываться, и они просто наслаждались свежим воздухом.

Порой я им по-белому завидовала, но сегодня от этого занятия меня более чем успешно отвлекли.

– Тиш, – с каким-то нездоровым напряжением в голосе окликнул Лют, не отрывая взгляда от переговорника в руках. – Ты давно заглядывала в реестр браков?

– Давно, – призналась я. Голову резко повело от нехорошего предчувствия. – А что?

Дарина любопытно сверкнула глазами из-за своего голографа, отвлекаясь от печати, и Лют, ни слова не сказав, сгреб меня за плечо и кивком указал в сторону зоны для отдыха. Там он молча сунул мне свой переговорник и отошел в сторону, заваривая кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.